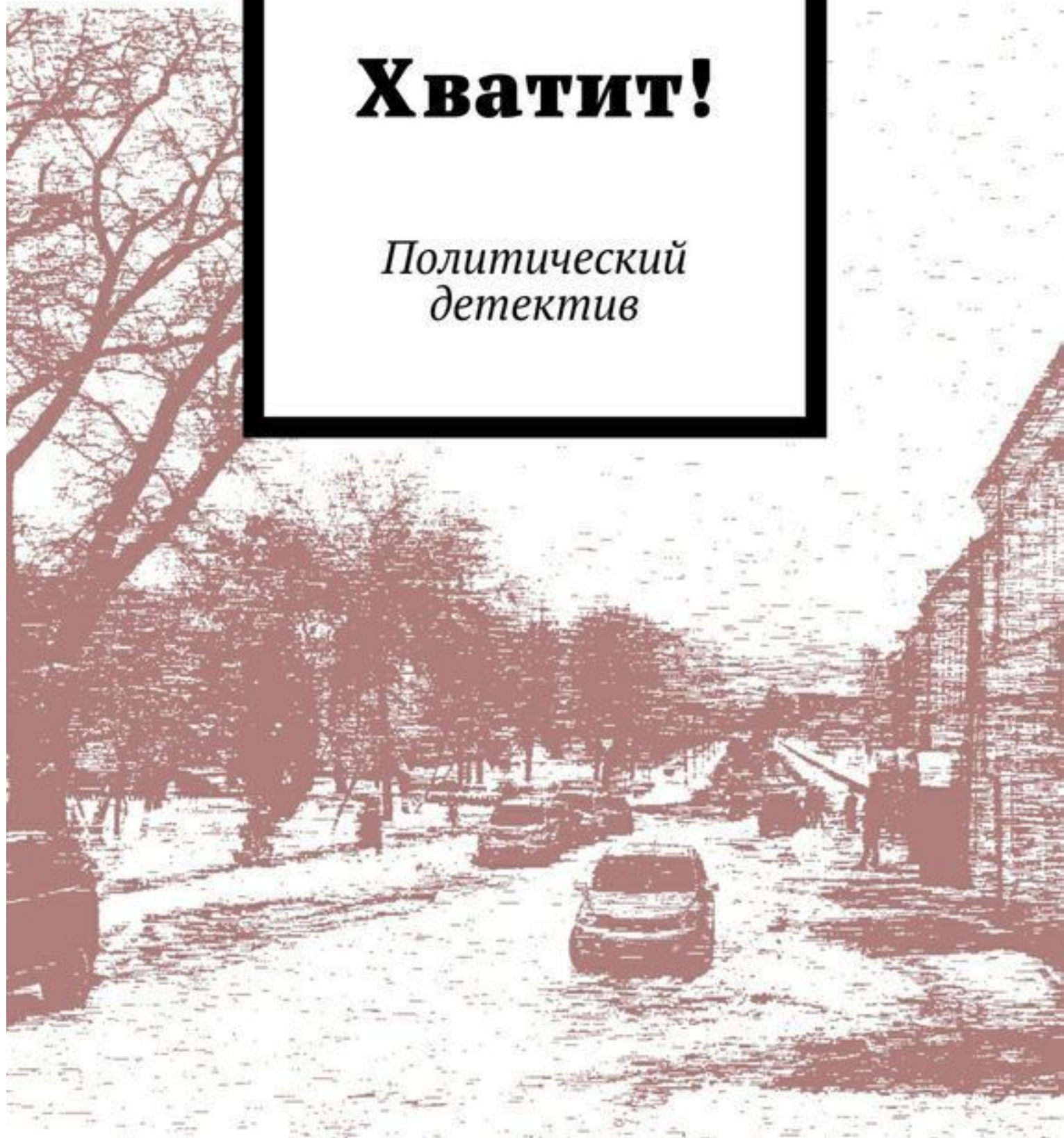

Михаил Поляков

Хватит!

*Политический
детектив*

Михаил Поляков

Хватит! Политический детектив

«Издательские решения»

Поляков М. Б.

Хватит! Политический детектив / М. Б. Поляков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742206-6

Небольшой подмосковный городок Терпилов потрясают два жестоких убийства. Жертвами становятся местный судья и бизнесмен-отшельник, давно отошедший от дел. Расследовать преступление приезжает московский журналист Иван Свиридов. Ему предстоит погрузиться в историю, полную неожиданностей и опасностей, вступить в психологическую дуэль с таинственным убийцей и раскрыть тайну преступления, совершённого в девяностые.

ISBN 978-5-44-742206-6

© Поляков М. Б.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвёртая	20
Глава пятая	26
Глава шестая	30
Глава седьмая	35
Глава восьмая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Хватит!

Политический детектив

Михаил Борисович Поляков

© Михаил Борисович Поляков, 2018

ISBN 978-5-4474-2206-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я поспешно осмотрел место преступления, изо всех сил стараясь не задеть взглядом лежащее посреди гостиной тело, и вышел. Зайдя в соседнюю комнату, дрожащими пальцами нащупал в кармане пачку сигарет, и, настежь распахнув окно, закурил, глубоко затягиваясь. С улицы в помещение ворвались весенние звуки – встревоженный птичий щебет, рёв воды на освобождающейся ото льда реке и четкий и энергичный звон капли. Из гостиной вместе с тем доносились причитания вдовы убитого, перебиваемые строгими, сухими голосами полицейских, а из кабинета сверху, где работали эксперты – глухие порывистые звуки сдвигаемой мебели, похожие на наносимые с размаху удары. Я снова достал записку – этот чёртов обрывок бумаги, какой-то старый чек из канцелярского магазина, и в тысячный раз прочёл надпись на обороте – коротенькую фразу, две недели остававшуюся загадкой, а минуту назад вдруг объяснившую всё... Итак, расследование завершено, и я, наконец, знаю имя убийцы, больше месяца державшего в страхе город. Осталось довести дело до конца. Один звонок, одно слово, сказанное вполголоса, и всё будет кончено... Я потянулся за телефоном, и с отвращением ощутил, что колеблюсь. Что-то удерживало меня. Странно, но даже сейчас, после этого мучительного месяца, после всех фактов и улик, даже после злосчастной записки, неумолимая тайна которой вдруг открылась мне мгновение назад, я всё ещё сомневался... Или это не сомнение, а сочувствие? Но разве я действительно сопереживаю *ему*? Неужели *и теперь* пытаюсь понять и оправдать? Из соседней комнаты снова послышались рыдания. «Димочка, родненький, Димочка», – причитала вдова убитого. Это наконец отрезвило меня.

Нет, всё, хватит сантиментов! Я выбросил недокуренную сигарету в окно и извлёк из кармана телефон...

Глава первая

Эта странная история началась точно также, как ей суждено окончиться – с телефонного звонка. Мобильник разбудил меня в два часа ночи. Я подскочил на кровати и нащупал на заливном чем-то липком столе холодную дрожащую трубку. Звонить в это время мог только Елисейев – ночной редактор «Вечерней столицы», газеты, в которой я работаю. Видимо, ему снова понадобился корреспондент из отдела новостей, чтобы сделать заметку о пожаре на каком-нибудь складе на окраине Москвы, или о бомже, ограбившем автозаправку. И козёл отпущения, как всегда, я, Игорь Свиридов. Но уже приготовившись услышать в трубке энергичный редакторский дискант, и собираясь от души послать Елисейева по матушке, я осёкся. В звонившем я с удивлением узнал своего школьного приятеля Колю Ястребцова, заместителя начальника полиции подмосковного Терпилова.

– Здравствуй, Игорь, – незнакомым мне у него напряжённо-деловым голосом произнёс он. – Извини, разбудил тебя, наверное?

– Коля, ты? Да уж конечно разбудил. Второй час ночи, – проскрипел я, поднимаясь на кровати, и с отвращением чувствуя, как тяжёлая холодная волна скатывается по спине.

– Ты как, всё ещё в газете работаешь?

– Работаю.

– У тебя время есть на следующей неделе?

– Пожалуй, а в чём дело?

– Встретиться надо. Есть у меня к тебе одно предложение. Я буду в Москве в среду, нормально?

– В среду? – я задумался, спросонья пытаюсь припомнить планы. – Да, в среду я свободен. В «Шоколаднице» на Тверской часа в четыре сможешь?

– Договорились.

В назначенный час я открыл стеклянную дверь кафе и вошёл в тесное, пропитанное запахами шоколада и ванили помещение. Николай – высокий, рано начавший седе́ть брюнет в строгом деловом костюме, дожидался меня за столиком в углу.

– Чай только без сахара, – говорил он тонкой рыжей официантке в накрахмаленном переднике, которая чёткими движениями белых рук расставляла на столе приборы. – И лимон, пожалуйста, не забудьте.

Девушка с фирменной вежливостью кивнула ему в ответ, втиснула блокнот с карандашом в карман фартука и удалилась.

– Игорь, здравствуй, – крикнул Ястребцов, заметив меня в дверях и с неуклюжестью засидевшегося на месте человека делаая усилие, чтобы подняться.

– Как дела? – спросил я, подавая руку и опускаясь на кожаный диван у стола.

– А ты ничего не будешь? – суетливо поинтересовался он. – Давай я позову?..

– Ничего, позже закажу. Что у тебя стряслось?

Коля нерешительно взглянул на меня исподлобья, как бы сомневаясь, стоит ли вообще начинать беседу. Затем достал из кармана пачку «Парламента», ловким щелчком выбил сигаретку и, хищно лязгнув затвором никелированной зажигалки, закурил.

– В общем, есть у меня к тебе одно дело, – задумчиво начал он. И вдруг спохватился: – Но только заранее предупреждаю – всё, что мы тут скажем, должно остаться между нами. Договорились?

– Договорились.

Николай выпустил струйку густого сизого дыма.

– Рассусоливать долго не буду. Дело такое: у нас в городе произошли два странных убийства, и для их раскрытия мне очень пригодится твоя помощь.

Этого я ожидал в последнюю очередь, и с удивлением уставился на своего товарища.

– Что, удивила тебя моя просьба? – улыбнулся он на мой взгляд. – Но прежде чем отказываться, сперва послушай меня, хорошо?

За время своей журналистской работы я повидал многое. Участвовал в облавах на героинных курьеров на реке Пяндж, что на таджико-афганской границе, прятался под обломками рухнувшего дома в Грозном, вместе со следователями шёл по следам знаменитого битцевского маньяка, и присутствовал при его задержании, унёсшем две милицейские жизни. Но мало чему я удивлялся так, как той истории, что выслушал в следующие полчаса. Месяц назад сонную жизнь небольшого подмосковного городка Терпилова всколыхнуло странное преступление. При загадочных обстоятельствах был убит местный судья – Обухов, человек влиятельный и хорошо известный в городе. Преступники не оставили на теле жертвы живого места – переломали руки и ноги, выбили зубы, выдавили глаза. Убийство произошло поздно ночью, на даче Обухова. По этому обстоятельству оперативникам стало понятно, что преступники хорошо изучили его расписание: за город судья без семьи выезжал редко. Как известно, расследование любого убийства начинается с бытовой версии, но тут она отпала практически сразу. Судья был женат и имел двоих детей. Старшая дочь – двадцатидвухлетняя Лариса – была замужем, и уже три года жила с мужем в Москве. Младшему – Вадиму, едва исполнилось десять. С женой Обухов жил душа в душу, об изменах супругов друг другу ни молве, ни близким друзьям ничего не было известно. Материального мотива в деле также не могло быть. Жена распорядилась буквально всем имуществом семьи через доверенных лиц (напрямую управлять собственностью судья не имел права по закону), и ни в чём себе не отказывала – немалая часть совместного дохода Обуховых шла на её заграничные поездки, наряды и драгоценности. Судья, человек в быту не требовательный, никогда ей ни в чём не препятствовал, в дела по дому не вмешивался, и, как говорили, был только рад тому, что супруга освободила его от хозяйственных забот.

Служебная версия также не подтвердилась. Конечно, на Обухова, который за свою двадцатилетнюю практику отправил за решётку сотни преступников, зуб имели многие. Но ничего конкретного следователи не обнаружили. У кого-то из потенциальных недоброжелателей было алиби, кто-то уже давно не жил в Терпилове, а кто-то не мог быть мстителем просто в силу возраста или здоровья.

Третья часть расследования касалась ещё одной сферы деятельности убитого – его огромного бизнеса. Он владел местной лесопилкой, мясокомбинатом «Городец», сетью магазинов под тем же названием, и двумя городскими кинотеатрами. Но и тут не было ничего определённого. Некоторые конкуренты жаловались на агрессивную манеру судейского семейства вести дела, но и только.

Целый месяц сыщики носом рыли землю, пытаясь выйти на след убийц. Перевернули вверх дном виллу убитого, допросили всех близких и дальних знакомых семьи, подняли и побуквенно изучили дела, которые Обухов вёл. Но ни единой, даже самой ничтожной улики не обнаружили. Когда следователи, работавшие по двадцать часов в сутки и целыми неделями не бывавшие дома, собирались бросить дело, записав его в безнадёжные «висяки», произошло новое похожее преступление. Но вместо того, чтобы хоть отчасти прояснить картину, оно лишь ещё сильнее всё запутало...

На этот раз жертвой убийц стал бизнесмен Пахомов, живший в Апрелевке, деревеньке, расположенной в пятнадцати километрах от Терпилова. Человеком он был скрытным и эксцентричным до странности. Из родных имел одну жену и одиннадцатилетнего сына. С женой развёлся много лет назад, и отношений с ней поддерживать не желал, да и сына навещал нечасто – раз или два в год. О жизни его ходили легенды. Известно было, например, что он сказочно богат, но происхождение этого богатства оставалось для всех, включая даже и ближайших его знакомых, загадкой. Рассказывали разве, что в середине девяностых он сколотил

банду, занимавшуюся рэкетом и поборами на местных рынках. Но Терпилов – городок небольшой, и на подобных делишках миллионов там не сколотишь... Да и рэкетировал Пахомов недолго, всего около года. В конце девяностых он внезапно, к немалому общему удивлению, отошёл от дел, чуть ли ни в один день порвал все связи, и уединился в своём огромном особняке, который за два года до того по специальному заказу построил для него выписанный из-за границы архитектор. Этого архитектора, маленького чернявого итальянца по фамилии Парцолли, в Терпилове запомнили. Он поразил горожан огромными иссиня-чёрными усами, чрезвычайной любовью к женщинам нетяжёлого поведения и необыкновенной способностью к усвоению русского мата, в котором к концу своей командировки достиг таких невероятных высот, что мог дать фору любому местному слесарю или таксисту. Говорили, впрочем, что иностранец остался недоволен своим хозяином. Угрюмый олигарх предъявлял какие-то слишком уж странные требования к строящемуся дому, и никаких возражений от архитектора не слушал. Когда же тот пытался настаивать, дело доходило и до рукоприкладства, о чём красноречиво свидетельствовали синяки, раз от раза появлявшиеся на смуглой итальянской физиономии. Строительство виллы походило на возведение секретного бункера – там одна за другой сменились восемь бригад, которые каждый раз приглашались из разных, максимально удалённых друг от друга регионов страны. Расходы на транспортировку людей и оборудования были огромны, но Пахомова они, казалось, не пугали. Каждой из бригад доверялся отдельный участок работ, строго отгороженный от остальных, так что никто из строителей не имел представления об общей планировке здания. Когда дело было окончено, виллу оборудовали самой современной на тот момент системой охраны, включавшей лазерные и инфракрасные сенсоры, широкоугольные видеокамеры, и разнообразные датчики движения, способные за сотню метров обнаружить копеечную монету, подброшенную в воздух. В этой небольшой крепости царил военная дисциплина. Пахомов лично отбирал для себя охранников, отдавая предпочтение бывшим милиционерам и военным, ежемесячно устраивал им экзамены на физическую подготовку, сам составлял строгие, выверенные до минуты графики дежурств, и даже проводил внезапные проверки боеготовности.

Однако бандитам, к немалому изумлению следователей, всё же как-то удалось проникнуть на объект незамеченными. В ночь убийства ни одна камера не зафиксировала движения ни возле дома, ни внутри него, не сработал ни один из датчиков, во множестве расставленных на территории, ничего подозрительного не видели и люди, находившиеся в здании. Но рано утром Пахомова нашли мёртвым в его кабинете. В двух шагах от него лежало тело охранника, рослого сорокалетнего мужчины, видимо, пришедшего на шум борьбы и попавшего под руку преступникам. Причём, убит он был необычным способом – ему раскололи череп огромной мраморной плитой, одной из тех, что лежали в хозяйском кабинете и предназначались для отделочных работ. Этой плиты к удивлению следователей на месте преступления не оказалось, нападавшие зачем-то унесли её с собой. Как они попали в дом, и как выбрались обратно, да ещё с массивным мраморным брусом в руках? Как смогли обвести вокруг пальца электронику и не попасться на глаза многочисленным телохранителям? Всё это было очень странно... Ясно было одно: с судьёй и олигархом расправилась одна и та же банда. На это указывало обстоятельство, тщательно скрываемое полицией от прессы: на груди у каждой жертвы была вырезана надпись «Хватит!» Только у Обухова под ней прибавили ещё слово «кумовства», а у Пахомова – «бандитов».

Слушая эту увлекательную историю, я внимательно присматривался к Николаю, стараясь понять, какую роль в ней он уготовил мне.

– Дело в том, что одна зацепка в деле всё-таки есть, – поймав мой вопросительный взгляд, пояснил Ястребцов, старательно давя в пепельнице окурки. – Одна из камер на территории особняка сняла машину, которая сразу после убийства проехала мимо дома.

– И что, нашли владельца? – поинтересовался я.

– А вот это самое интересное. Машина эта, старый «Мерседесик», принадлежит нашей местной газетёнке – «Терпиловской правде». Ну, помнишь «Терпиловку»? Шахматные задачки ещё с тобой и Ванькой Милорадовым решали?

– Да помню, – нетерпеливо пожал я плечами. – Ну так и что – угнали преступники машину, и всего-то делов.

– Да вот не так всё просто, – поёжился Коля. – Я сразу, как запись посмотрел, в оперотдел сунулся – дескать, не заявляли ли тачку в розыск? Нет, не заявляли. Ребят послал к редакции – стоит на месте, у самого входа, чёрт бы её побрал. По своим каналам попытались выяснить, катал ли её кто-то в тот вечер – опять нет. На коробке у неё блокиратор установлен, такой, знаешь, штырь металлический. Для угонщика он особой проблемы не представляет, но снимать всё-таки хлопотно – с корнем драть приходится. Ну а там на месте он, значит...

– Машину брал кто-то из своих, – догадался я.

– Точно! – Коля энергично хлопнул по столу. – И наша задача понять, кто именно.

– Ну так вызывай их по очереди, да трясина как ураган осину.

– Ну а вот это уже глупость, – развёл Ястребцов руками. – Серьёзного бандита допросом не запугаешь. Преступник просто уйдёт на дно, банда, а там ведь наверняка банда, затаится, ну и поминай их как звали. Да и потом – а вдруг машину кто-то посторонний мог взять? Некий приятель друга, пятый дядька на киселе сделал себе ключи, ну и пользуется корыто, пока никто не видит? Нет, тут похитрее бы сыграть надо.

Алексей искоса глянул на меня, шурася с хитринкой.

– Ну и что ты от меня хочешь? – пожал плечами я.

– А то, что устроился бы ты, Игорёк, на недельку в «Терпиловку», да изнутри выведаль всё как следует? Нет-нет, не отказывайся, – умоляюще протянул он ко мне руки, – делов там реально не больше, чем на неделю, да и потом я от тебя никаких подвигов не требую. Не откроется тебе Сезам, не разознаешь ничего, ну и хрен тогда с ним. Тогда уж напрямик ломанёмся, допросы там, обыски... А получится – и мы в выигрыше, и ты. Представь только, какой матерьялец получится, а? Ну как, по рукам?

– Да ну что ты... —отмахнулся я. – Сам подумай: как я с бухты-барухты свалюсь в эту твою редакцию, начну там разнюхивать что-то по углам... Преступник же меня в одно мгновение раскусит.

– Нет, тут всё предусмотрено. Твоё появление не шума не вызовет. Во-первых, мы в прессе о деле не болтаем и преступники вряд ли догадываются, что их след уже взят. Во-вторых же и легенда у тебя будет подходящая. Из «Терпиловки» полгода назад уволился твой коллега, и ему давно ищут замену. Вот ты ей, то есть этой заменой и будешь.

– И что, я вот так вот просто заявлюсь в редакцию и попрошусь на работу? А вдруг не примут?

– Конечно, нет. Главного редактора, Стопорова, обо всём предупредим заранее.

– А сам он не может быть связан с бандой?

– Нет, это человек проверенный, у него было твёрдое алиби в обоих случаях, да и, сказать по чести, водятся за ним кое-какие делишки. Он и с арендой мухлюет, и кой-какие заказики на публикации берёт у наших местных козырьков. Короче, как-то не тянет он на народного мстителя. Да и возраст, знаешь ли не тот – семьдесят лет почти.

– Всякое может быть.

– Минимальный риск, конечно, присутствует, – кивнул Николай. – Поэтому и его мы не будем знакомить со всеми обстоятельствами. Придумаем тебе легенду – мол, ты оперативный сотрудник, которому необходимо под видом журналиста появляться там-то и там-то.

– Думаешь, поверит?

– А почему бы ему не поверить? Самая обычная история. Да и нам не столько нужна его вера, сколько чтоб он язык за зубами держал. А уж в этом на него можно положиться.

– А почему никому из своих не поручишь? – снова попытался отбояриться я.

– Игорь! – Ястребцов отчаянно всплеснул руками. – Ну какие из моих ребят журналюги? Из них половина имя-то своё с трудом пишет. Преступник их вмиг раскусит. А ты профессионал, да и человек опытный, компетентный, жизнь знаешь. Без тебя, в общем, никак.

– Ладно, – ответил я после минутного раздумья. – Мне нужно ещё с начальством договориться, но, вообще, думаю, выгорит дело.

– Спасибо, спасибо! – Коля обеими руками схватил мою ладонь, и энергично тряхнул. – Когда приехать сможешь?

– Если всё окажется удачно, то на этой неделе, в пятницу.

– Хорошо, замечательно!

– Но у меня есть три условия.

– Какие?

– Во-первых, ни при каких обстоятельствах не вмешивайся в ход моего расследования.

– Договорились.

– Во-вторых, никакой цензуры быть не должно.. По итогам работы я напишу всё именно так, как увижу, ничего не скрывая. Разумеется, за исключением твоей роли в деле, если ты того пожелаешь.

– Замётано.

– И последнее – мне необходим максимум информации по делу. Это, кстати, в наших общих интересах – чем больше мне известно деталей, тем эффективнее я сработаю.

– А об этом я уже подумал, – торжественно произнёс Ястребцов. Достав из-под стола глянцевого кожаный портфель, он извлёк оттуда толстую пластиковую папку и подтолкнул ко мне. – Я нарушил несколько наших внутренних правил и скопировал для тебя кое-какие следственные материалы. – Он тяжело опустил на папку ладонь. – Тут всё – протоколы допросов, фотографии с мест преступлений, сведения об убитых. Смотри только – поосторожнее со всем этим, хорошо? Не показывай никому, а то секир-башка мне будет, – улыбнулся он.

Перед тем как разойтись, мы утрясли с Николаем кое-какие второстепенные детали, придумали мне легенду и псевдоним. Легенду сочинили следующую: дескать, я московский журналист, работавший в небольшом издании, но временно вынужденный поселиться в Терпилове. В городе, якобы, живёт мой больной отец, которому с недавних пор нужен постоянный уход. Что же до псевдонима, то я сохранил своё имя – так легче привыкнуть к новой роли, но вместо Свиридова стал Кондратьевым.

Глава вторая

С делами я разобрался быстро. Шаховской, редактор моего отдела, по первой же просьбе и без особого, сказать по чести, сожаления предоставил мне месячный отпуск. На сборы ушло пять минут: в кожаный походный рюкзак отправились макбук с зарядкой, две пары джинсов, три свитера, и выходной костюм на случай какой-нибудь маловероятной официальной надобности. Подумав немного, я достал из сейфа и травматический пистолет, стреляющий стальными шариками. Конечно, в настоящей перестрелке он бесполезен, но всё-таки сможет на время обездвижить даже сильного соперника, особенно если знать, куда целиться...

Один из немногих плюсов моего холостяцкого положения в том, что теперь я сам себе хозяин. Никаких долгих проводов и слезливых сцен, которые так любила устраивать мне Рита. Подхватив рюкзак и забрав с полки ключи и мобильник, я уже через двадцать минут топтался в очереди к билетной кассе на занесённом мокрым снегом перроне Ленинградского вокзала. Место в электричке мне попало плохое, у самого входа. Через разбитое в тамбуре стекло в вагон со свистом рвался упругий ледяной ветер, внося с собой сухую порошу, которая обжигала лицо, как иглами колола шею, и норовила пробраться за воротник. Совокупное дыхание сотни пассажиров наполняло пространство призрачным паром, который клубами поднимался над головами и медленно обращался под потолком, но воздух не нагревало, и стужа здесь стояла уличная. Вдобавок к тому не повезло мне и с попутчиками. На ободранной сидухе по соседству со мной устроились двое работяг, видимо уже успевших в честь пятницы принять где-то на грудь. Всю дорогу они о чём-то громко спорили, дыша перегаром и энергично размахивая своими корявыми багровыми ручищами. Я не мог даже пересесть – в вечерней электричке было тесно как в банке шпрот. Поближе придвинувшись к окну, я поднял воротник пуховика и достал из сумки папку с данными по расследованию, переданную мне Ястребцовым. Первыми в ней лежали материалы из дела судьи. На фотографию с места убийства нельзя было взглянуть без отвращения. Обухов, невысокий лысый толстяк, лежал на синем кафельном полу в ванной, весь сжавшись, скрючившись в позе эмбриона, как будто и теперь, после смерти, защищаясь от ударов неведомого убийцы. Его руки были переломаны, шея неестественно закинута, ноги напоминали две колонны – так они напухли от побоев. Судя по материалам дела, судья халатно относился к собственной безопасности. Его огромный, выстроенный в классическом стиле особняк с колонным фасадом и мраморной лестницей перед входом, охраняли всего два человека. В момент нападения один из них спал, а другой решал сканворд, время от времени поглядывая на мониторы системы наблюдения. Ничего подозрительного он не видел и не слышал. Правда, во время ночного обхода территории он заметил на снегу чьи-то следы, но принял их за отпечатки ног своего напарника, и не только не вызвал полицию, но и не сделал в журнале дежурства соответствующей пометки. Записи с камер наблюдения, установленных вдоль забора, окружавшего виллу, также оказались бесполезны для следствия. Одни из них были неисправны, и их месяцами не чинили, а в поле зрения других было множество слепых зон. Этим и воспользовались убийцы. Отогнув две массивные деревянные доски в заборе, они пробрались на задний двор виллы, невидимый из помещения охраны. Затем, неслышно вырезав стекло на первом этаже, проникли и в сам дом. Несмотря на поздний час, Обухов не спал и, вероятнее всего, ждал гостей. Он был полностью одет, а на маленьком резном столике в гостиной обнаружили два бокала, бутылка дорогого виски и кое-какая закуска на две персоны. Скорее всего именно тот, кто назначил чиновнику эту ночную встречу, и подослал к нему убийц... Но кто это мог быть? Тут следователи терялись в догадках. Ни изучение логов телефонных звонков, ни анализ личной переписки убитого ничего не дали. В день гибели Обухов вообще не пользовался мобильным телефоном, а по служебной связи ему не звонили. Его секретарша, Аронова, сообщила только, что в последнее время шеф находился в приподня-

том настроении, часто шутил, и даже как-то обещал ей прибавку к зарплате. Девушку последнее обстоятельство удивило – судья был скуповат. В остальном же не было ничего необычного – никаких особенных поручений Обухов в последнее время не давал, не замечала у него Аронова и каких-либо странных посетителей. Иных зацепок в деле не было. На безрыбье следователи рассматривали даже вариант участия в убийстве охранников виллы, но он подтверждения не получил. Оба охранника были уже пожилыми людьми, оба всю жизнь прослужили в милиции и хорошо зарекомендовали себя, оба лояльно относились к своему сановному шефу, и никогда не имели с ним никаких конфликтов...

Обстоятельства убийства Пахомова были гораздо интереснее. Угрюмое жилище отставного олигарха, подробно запечатлённое на фотографиях, напоминало средневековый замок. И это было не обычное у новых русских вульгарное строение с декоративными башенками, пластиковым сайдингом под старину и медным флюгером на конусообразной крыше. Нет, Пахомов заказал заморскому архитектору настоящую крепость, такую, что возводили в старину с утилитарными целями – для защиты от свирепых врагов, подкатывавших к стенам катапульты и тяжёлые осадные орудия. Толстые стены из крупного нетёсаного камня, узкие проёмы окон, защищённые коваными решётками, массивные дубовые двери, обитые железом... Декоративных элементов, говорящих о желании хозяина украсить своё жилище, я заметил мало – наличники на окнах кое-где были расписаны французскими геральдическими лилиями, да на стенах то тут, то там виднелись декоративные выемки с головами львов, испускавшими из оскаленных пастей фонтанчики воды. Во дворе, таком же угрюмом и неприветливом как само здание – с редкими корявыми деревьями и грубо проложенными дорожками, обнаружили несколько каменных, в тон дому, скамеек, такая же беседка и три скульптуры, изображавшие каких-то средневековых дев, молитвенно сложивших руки у груди и скорбно глядящих в небо. Статуи находились в плачевном состоянии – все они потрескались и почернели от времени, а одна из них к тому же опасно клонилась набок. Очевидно, хозяин не придавал им особого значения и не ухаживал за ними. Я предположил, что Пахомов заказал заморскому архитектору отнюдь не волшебный замок, навеянный детскими сказками, а просто серьёзный, крепкий дом, призванный защитить будущего владельца от конкретной, хорошо известной ему опасности. А уж старательный итальянец сам, из любви к искусству, добавил к запланированной хозяином примитивной каменной коробке кое-какие украшения. Дальше в папке обнаружили скреплённые степлером фотографии убитого. Огромное, почти двухметровое тело Пахомова было распластано на персидском ковре в углу огромного кабинета, обставленного с восточной роскошью. Вокруг труп валялись обломки мебели, обрывки бумаги и осколки китайской вазы, которую он, вероятно, зацепил рукой при падении. Впрочем, особенных следов борьбы, во всяком случае таких, какие оставил бы этот гигант при активном сопротивлении, заметно не было. Видимо, преступники или застали Пахомова врасплох, или их было так много, что он оказался просто бессилён против них. Даже мёртвым он вызывал какое-то инстинктивное, смешанное с ужасом отвращение. Корявые жилистые руки, мощный торс, поросший густым рыжим волосом и напоминающий обезьянье тело, выразительное круглое лицо с толстым носом, жирными щеками и тупым, словно расплюснутым лбом. Когда-то этот человек должен был внушать ужас тем, кому не повезло сойтись с ним в битве за место под солнцем. Как он шёл по жизни, как добывал свои миллионы, дома, машины, женщин? Кого сбивал с ног своими огромными кулаками, кто и теперь помнит, как дрожал от страха под взглядом его маленьких, близко посаженных свинных глазок? И кого опасался он сам, окружая себя вооружённой до зубов охраной и сложными системами наблюдения? Найденный рядом с Пахомовым телохранитель – высокий плотный мужчина лет сорока, имел на лице спокойное равнодушное выражение. Вероятно, он погиб едва войдя в комнату, и, может быть, даже не успев заметить преступников. Его лицо и верхняя часть груди были густо осыпаны мраморной крошкой. Те самые плиты, одна из которых была использована для убийства охранника, были сложены на деревянном настиле в углу

кабинета, возле планировавшейся к ремонту стены. Это были мраморные бруски площадью метр на метр и не меньше сорока сантиметров в толщину. Поднять подобную махину было бы непросто и двум сильным людям, а уж с размаху нанести ей удар... Но главный вопрос был в том, как преступники вообще проникли на территорию особняка. В случае с судьёй следователи обнаружили на месте преступления и человеческие следы, и признаки взлома. А вот в крепость олигарха убийцы словно бы просочились при помощи магии. На территории виллы не нашлось никаких посторонних следов, ни одна из камер не засекала взломщиков, ни один из пятнадцати охранников, находившихся в это время в доме, не услышал ни единого подозрительного шороха. Следователи ощупали каждый сантиметр пахомовского кабинета, отыскивая какой-нибудь тайный проход, или, по крайней мере, нишу, где могли бы скрываться люди, но ничего не обнаружили.

В прозрачной пластиковой папке, отдельно приложенной к делу, я нашёл несколько документов, свидетельствующих об ещё одной стороне быта провинциального барина. Это были ксерокопии четырёх заявлений в милицию, сделанных в разное время – начиная с декабря 2004-го года и заканчивая июлем 12-го. Оказывается, Пахомов любил приглашать в своё логово девочек по вызову, и в обращении с ними ни в чём не сдерживал свою первобытную звериную натуру. Некая Надежда Головкина, восемьдесят седьмого года рождения, уроженка села Микулино под Ярославлем, писала: *«Он напился и полез драться. Я сапративлялась но он ударил меня в лицо, потом схватил за волосы и вывел на улицу. Там было холодно но он приказал мне плизать и петь песню. У меня тикла кровь, но я стала танцевать. Он кидал в меня бутылками и банками от пива. А когда я упала он подошел и ударел меня в живот ногой. Я аичнулась уже в больнице».*

В корявом письме ночной бабочки читалась вся её тусклая, банальная судьба. Пьяная деревня в далёком Замкадье – без возможности получить образование, без работы и перспектив на будущее. Ежедневный «Дом-2» по телевизору и мечты о сладкой, роскошной жизни. «Я хотела бы жить на Манхэттене и с Деми Мур делиться секретами», – почему-то вспомнились мне слова некогда известной песни. Но вместо Манхэттена Надя оказалась в этом мрачном особняке, один на один с его разъярённым монструозным властелином... Я представил себе как это было. Пьяный Пахомов за волосы вытаскивает избитую полуголую девчонку на улицу и швыряет её в весеннюю слякоть. «Танцуй давай!» – приказывает он. Она встаёт и начинает неуклюже двигаться, дребезжащим сорванным голосом выводя какую-нибудь первую пришедшую в голову мелодию. Её лицо и голая грудь залиты кровью, волосы растрёпанны. После побоев она едва держится на ногах. Пахомов, наблюдает за ней, отпивая из бутылки, и пьяно ржёт... Затем ему приходит в голову новая блажь, и он бросает в девчонку сначала одну, потом другую бутылку. Несколько раз ей удаётся увернуться от этих снарядов, пущенных сильной, но нетвёрдой рукой. В Пахомове просыпается азарт, он кидает ещё и ещё... Наконец, одна из бутылок сбивает девушку с ног. Она кричит от боли, но пьяного эти звуки только раздражают. Чтобы прекратить их, Пахомов подходит и пинает её ногой в живот... При всём этом, конечно, присутствовали охранники. О чём они думали, наблюдая за забавами шефа? Кто-то вероятно брезгливо отворачивался, кто-то смотрел равнодушно, как на привычное и обыденное, а кто-то, быть может, и надеялся попользоваться беспомощной девчонкой после хозяина... А не было ли среди них и тех, кто представлял на месте несчастной своих дочь, сестру, и наполнялся при этом самой обычной и естественной ненавистью к этому жестокому самодуру? А сколько ещё было таких историй?.. Да, версия с охранником выглядит убедительно. Имея доступ к системам наблюдения, замести следы не сложно. Можно смонтировать или удалить записи, отключить ту или иную камеру, наконец, безопасно пустить в здание, а после и вывести из него своих сообщников. Убили Пахомова в два часа ночи, труп же обнаружился в пять. На то, чтобы спрятать концы в воду имелось целых три часа – огромный срок! Странно, но среди предоставленных документов почти отсутствовали данные об опросе охранников.

В полицию вызвали только некоего Антона Велидова, начальника агентства «Константин», руководившего наблюдением за домом. Тот отвечал лаконично: ни один сотрудник на месте преступления в означенное время не присутствовал, никто ничего не слышал и не видел...

В остальных материалах не было ничего интересного. Одна из трёх оставшихся фотографий представляла собой кадр с той самой видеозаписи, запечатлевшей отъезжающую от особняка машину. На мутном изображении едва-едва различался контур автомобиля и его номер, людей же в салоне нельзя было рассмотреть вовсе. Ещё на двух снимках оказались музыкальные плееры, которые убийцы оставляли на месте преступления, предварительно запустив на них «Священную войну». Это были серебристые пластиковые прямоугольники с большими эмалированными кнопками на передней панели. Ничего примечательного, обычная безымянная китайщина стоимостью около пятисот рублей. Такие плееры покупают подростки, которым родители не дали денег на модные айподы. Отпечатков пальцев ни на одном из устройств не было, и идентифицировать покупателя полиция тоже не смогла – в городе такими безделушками торговали в каждом магазине электроники.

Сложив документы в папку, и перетянув её резинкой, я задумался. Всё-таки преступники, кто бы они ни были, очень странно выбирали своих жертв. Что может быть общего у отставного олигарха и городского судьи? А между тем вряд ли этот выбор случаен. Обоим преступлениям, судя по всему, предшествовала серьёзная подготовка. К каждой из своих жертв преступники имели подход и, вероятнее всего, знали их лично... Кто они – расчётливые бандиты, убирающие конкурентов с дороги, или новые декабристы, решившие начать революцию сверху? Я улыбнулся этому последнему предположению. Декабристы в забытом Богом провинциальном городке – в этом было что-то бесконечно наивное и смешное... Впрочем, чем чёрт не шутит? И в Терпилове живут люди, так почему бы там не кипеть страстям и не рождаться идеям? Я с содроганием вспомнил изуродованное лицо Обухова с синим вывалившимся языком и выдавленными глазами. Да, если речь идёт об идейных революционерах, то настроены они решительно, и дело предстоит непростое...

«Осторожно, двери закрываются, – просипел динамик электрички. – Следующая станция – Солнечногорская». Я очнулся от размышлений. Как быстро летит время! Почти приехал, следующая остановка – моя. Я приблизился к окну и надышал на его расписанной инеевыми узорами поверхности небольшую проталину. За мутным, оплывающим влагой стеклом как в дыму замелькали корявые деревья, покрытые грязным снегом пригорки, гаражи и жестяные крыши Терпилова. На сером фоне неба отчётливо проглянул иглообразный контур главной городской достопримечательности – двадцатиметровой, ещё дореволюционной каланчи, неизвестно за что прозванной местными колокольней Ивана Великого. Пятнадцать лет я не был в этом городе...

Глава третья

Когда-то нынешний районный центр Терпилов был большой деревней Терпиловкой, относящейся к вотчине их светлостей князей Юсуповых. На всю округу славились её шерстяные платки и особенно – расписная глиняная посуда, которую в лучшие времена сравнивали даже со знаменитой гжельской. Ничем больше не отличившись, Терпиловка всё-таки попала и на страницы «Истории» Карамзина в качестве одной из штабных стоянок Лжедмитрия Второго, и в воспоминания Герцена, задержавшегося тут во время возвращения из Пермской ссылки. Учёным в точности не известна история происхождения названия Терпиловки. Одни утверждают, что деревенька унаследовала фамилию некоего Терпиловского, разорившегося дворянчика, владевшего ей в начале пятнадцатого века, другие считают, что имя это возникло гораздо позже – в веке семнадцатом, и связано оно с восстанием Ивана Болотникова, бушевавшим в этих местах. Дескать, пока жители окрестных селений вешали господ и сжигали их усадьбы, одна Терпиловка продолжала вести спокойную, размеренную жизнь...

За время советской власти деревня выросла сначала в большое село, а после, когда в сороковых годах на её окраине нашли залежи олова – и в небольшой посёлок городского типа. В начале семидесятых здесь жило уже около тридцати тысяч человек, и посёлку присвоили статус города. При Советах Терпилов существовал за счёт швейного предприятия «Красная стрела», продукция которого продавалась по всему Союзу, и завода потребительской электроники «Миг». Сегодня, понятное дело, от былого благополучия не осталось и следа – швейная фабрика, не выдержав конкуренции с китайским ширпотребом, давно закрылась, а на месте электронного завода нынче склады и торговые центры. Из источников дохода у города остались только старые оловянные шахты. Но и на этом, некогда процветающем промысле, сказалась всеобщая деградация. Если в советское время руду, добываемую там, перед отправкой на экспорт подвергали обработке (торговать её вторичными продуктами выгоднее), то теперь сырьё отгружают как есть – перерабатывающее оборудование ещё в девяностые то ли пришло в негодность, то ли перепродано... Поговаривают, впрочем, что и ресурс шахт на исходе, новой же разведки собственники не производят – для бизнеса это разорительно. Как только закроются месторождения, погаснут и доменные печи заводов, а вместе с тем прекратится и город... Так и живёт Терпилов, пробавляясь подножным кормом и, подобно дряхлой зажившейся старухе, с немощной покорностью ожидая собственной смерти. Не выразились ли в убийствах последние, отчаянные проблески его угасающего сознания? Не бессознательные ли это попытки стряхнуть с себя сонное оцепенение, вернуться к активной жизни?..

Мне же Терпилов памятен в первую очередь по детству. Здесь жила моя бабка по отцу Антонина, и я мальчишкой гостил у неё каждое лето. Она умерла пятнадцать лет назад, и последний раз я был в городе в середине девяностых – продавал доставшуюся от неё в наследство квартиру. Тогда я только женился, и молодой семье нужно было вить собственное гнездо, обзаводиться обстановкой... Как давно всё это было!

Спустившись по выщербленным ступеням платформы, я пошёл по длинной расчищенной дороге, от вокзала ведущей к центральной магистрали Терпилова – проспекту Шепилова. Город сильно изменился, и я с трудом узнавал приметные по детству места. Вон слева Собачий рынок, на котором в старые времена приезжавшие из ближних деревень старухи торговали выращенными на собственных огородах овощами. Туда мы всей компанией бегали покупать вскладчину на выпрошенную у родителей мелочь пирожки и пряники, там раздавали котят, родившихся у дворовой кошки Джульетты, там же дразнили Цугунду – злую одноглазую торговку, которая свирепо шипела на нас и больно дралась своей длинной палкой с жёлтым костяным набалдашником. Старые прилавки давно снесли, и сейчас на их месте – разноцветные пластиковые павильоны, в которых торгуют, сверкая золотозубыми улыбками, бойкие азиаты.

За ларьками – округлое бочкообразное здание «стекляшки» – главного городского универмага, получившего своё прозвище за огромную стеклянную витрину. Теперь он расцвечен неоновыми огнями и увешан рекламой, почти полностью скрывающей фасад. За магазином – низкие холмы, поросшие тонким березняком, а под ними – спуск к речке Пыжне, куда мы с ребятами бегали купаться. А вон, у самого здания вокзала – огромная каланча, та самая колокольня Ивана Великого, что считается негласным символом города. Нашему детскому воображению это мрачное сооружение из коричневого кирпича представлялась то замком, в котором огнедышащий дракон сторожит прекрасную принцессу, то крепостью свирепого татарского хана, то маяком на берегу бескрайнего океана. По стене каланчи тянулась скобяная лестница, взобраться по которой до самой крыши считалось делом чести каждого мальчишки. Я помню, как дрожа от страха поднимался по ней, цепляясь за ржавые, шатающиеся как гнилые зубы скобы, останавливаясь на каждом шагу и со страхом глядя вниз, в кажущуюся бесконечной пропасть... Теперь каланча огорожена металлическим забором, через который не перелезть ребёнку. Может быть покалечился, сорвавшись с высоты, какой-нибудь очередной юный искатель приключений, а может, забор появился просто в дань нынешней моде на запрещение всего и вся – единственному оставшемуся в арсенале власти методу самоутверждения...

Я не стал искать жильё в шумном, ставшем незнакомым центре, а, повинувшись ностальгическому порыву, направился на Академическую улицу, где когда-то располагалась бабкина квартира. Там тоже была гостиница, вдруг она ещё действует? Только оказавшись на месте, я, наконец, почувствовал себя дома. Всё тут было тем же, что и в детстве – те же серые хрущёвки, нахохлившиеся под жестяными скатами крыш, те же деревянные лавочки, тот же выщербленный асфальт и те же косые фонарные столбы. И старая «Аркадия» была на своём месте – между общежитием ткачих – ныне заброшенным двухэтажным зданием с заколоченными фанерой окнами и осыпавшейся штукатуркой, из-под которой как кости белели доски шпона, и рабочей столовой «Зенит». Консьержка – полная тётка с сальными волосами и красным заспаным лицом равнодушно приняла у меня пять тысяч рублей – недельную плату за одноместный номер, и выдала ключ на позеленевшем медном брелке. В моей комнате было сыро и пахло недавно вымытыми полами. Вся мебель в ней состояла из косоного шифоньера, кровати, покрытой серым шершавым одеялом, расшатанного стула и лакированного стола у окна. За стеной постоянно слышались звуки глухих голосов, переговаривавшихся басом, и шлепанье босых ног. Выглянув в окно, я увидел двор бабкиной пятиэтажки. Это был всё тот же, знакомый по детству тесный закуток с деревянными качелями и покосившимся грибком над заваленной снегом песочницей. Возле подъезда дома спали две огромные разлапистые липы, и их посеребрённые инеем ветви отчётливо выделялись на фоне жёлтой и растрескавшейся, словно обтянутой паутиной стены здания. Тёплым летним ветром, словно вырвавшимся из памяти, повеяло на меня от всего этого. От этих деревьев, которые я знал ещё тонкими подвязанными побегами, от этой площадки, на которой мы с соседскими ребятами играли в войнушку, поочередно изображая фрицев и наших, от этих домов, кованых оградок, обшарпанных фонарей и милых неуклюжих деревянных лавочек... Странно, но свой прошлый визит сюда я совершенно не помнил. Может быть тогда, пятнадцать лет назад, меня отвлекли заботы, связанные с продажей квартиры, или я был слишком увлечён начавшейся семейной жизнью и в эгоизме счастья не замечал ничего вокруг себя. А может, дело во мне нынешнем – я просто-напросто начал стареть, а сентиментальность – верная спутница старости...

Я не стал звонить Ястребцову, и сообщать ему о своём приезде. Во-первых, у меня в городе имелось несколько дел, которыми я планировал заняться в эти выходные, и мне не хотелось бы, чтобы меня отвлекали от них. Во-вторых же, узнав о моём приезде, Николай непременно пригласит меня к себе на рюмку чего-нибудь горячительного. А у меня теперь идёт пятый месяц ремиссии – самое опасное время у нас, алкоголиков. Сейчас к спиртному мне нельзя подходить и на пушечный выстрел. Ненароком сорвусь, уйду в запой, и тогда всё –

прощай дело, прощай работа, прощай жизнь... Нет, теперь, когда мне выпал такой редкий, удивительный шанс, я не могу себе этого позволить.

Но какая всё-таки странная, нелепая, волшебная случайность, что выпал он именно мне! Мне – Игорю Свиридову – простофиле, неудачнику и горькому пьянице! История моей сорокапятилетней жизни уместилась бы на ресторанный салфетке. В девяносто четвёртом году я окончил журфак МГУ, и поступил на работу в «Коммерсант», тогда ещё слышавший молодым и не очень солидным изданием. Коллектив наш почти сплошь состоял из молодёжи. Все мы были полны надежд, у всех кипела кровь, все рвались в бой. Мне повезло с первых шагов – буквально на второй месяц работы, в январе девяносто пятого, меня отправили в Чечню, делать репортаж о разгоравшейся там войне. Тогда эта тема была популярна, и о происходящем в мятежной республике не писал только ленивый. Однако, в моих статьях разглядели какой-то новый необычный взгляд, какую-то свежую струю. В Москву из Грозного я вернулся героем. Меня называли надеждой зарождающейся отечественной расследовательской журналистики, приглашали на телепередачи, звали в разные комитеты и жюри, награждали премиями... В «Коммерсанте» я проработал ещё пятнадцать лет, и за это время успел провести около пяти сотен серьёзных расследований. Брался за всё – писал о коррумпированных чиновниках, террористах, наркодельцах, рейдерских захватах, работоторговле, тоталитарных сектах, эксплуатации мигрантов и экологических катастрофах... И хотя первый шумный успех повторить так и не удалось, на жизнь грех было жаловаться. Работа была интересная, платили хорошо, к тому же постепенно поднимался я и по карьерной лестнице – в девяносто девятом году мне предложили должность заместителя редактора отдела расследований. Тогда же я женился на своей бывшей однокурснице, Рите Томазовой, с которой начал встречаться ещё в университете. После свадьбы мы вселились в двухкомнатную квартиру на Бережковской набережной, доставшуюся мне в наследство от деда. Родители вскладчину подарили нам машину, трёхлетний форд с небольшим пробегом, и помогли приобрести кое-какую мебель. А в марте двухтысячного родилась дочка – Ира. Жизнь казалась мне окончательно устроенной и налаженной, и кто бы мог подумать, что за какие-то полгода от неё не останется и камня на камне! Началось всё с пустяка – в начале десятого года у меня вышла какая-то незначительная ссора с редактором отдела, Пановым. Теперь я уже не могу вспомнить, из-за чего мы сцепились – то ли он не хотел брать какой-то мой материал, то ли я отказывался от неинтересного задания... Подобные споры у нас, журналистов – дело нередкое. Но в этот раз у нас всё зашло как-то слишком далеко. Мы с Андреем Бог знает в чём обвинили друг друга, обменялись оскорблениями, вспомнили заодно и какие-то старые обиды... Вышел скандал, я пошёл на принцип и, несмотря на всеобщие уговоры, уволился. Впрочем, переживал я недолго – с моими связями и известностью работу обыкновенно найти не сложно... Однако, прошло несколько месяцев, а подходящая вакансия не попадалась. Предложения-то были, но то газета казалась мне недостаточно солидной, то должность невысокой, то оклад не устраивал. Всё бы ничего, но наши с Ритой сбережения подходили к концу, и вопрос надо было решать быстро. Я ухватился за первую попавшуюся возможность – устроился корреспондентом в «Вечёрку». Это был серьёзный шаг вниз по служебной лестнице, да и платили там мало. Чтобы выжить, приходилось суетиться, унижаться, искать халтуру... Но беда не приходит одна – тремя месяцами позже от нелепой болезни, подхваченной на сквозняке простуды, перешедшей в острую пневмонию, умерла наша Ирочка. Эта смерть унесла с собой и наш с Ритой брак. Начались ссоры, скандалы, бесконечные претензии друг к другу. Я ничуть не удивился, когда однажды жена забрала вещи и ушла, оставив на кухонном столе записку со своим новым адресом. Через месяц случился наш развод, прошедший сухо и спокойно, без споров и выяснения отношений. А ещё через полгода я узнал об её новом замужестве...

Редкий алкоголик может вспомнить тот момент, когда он по-настоящему пристрастился к спиртному. И я не могу тоже. Та часть моей жизни как сон, как бред, прошла незаметно,

оставив по себе лишь несколько обрывочных воспоминаний. Помню, что на какой-то редакционной вечеринке я слишком увлёкся коктейлями, чего раньше никогда не бывало, и для меня пришлось вызывать такси. Помню вечер на даче у знакомого, где я спьяну подрался с одним из гостей – полным узбеком с широким рваным шрамом, отчётливо розовевшим на его смуглой щеке. Помню какие-то бары и клубы, каких-то новых знакомых, то появлявшихся, то исчезающих, бессмысленные плаксивые разговоры, за которые было стыдно утром, и шумные, ничем не мотивированные скандалы. Помню ещё, что однажды очень удивился, впервые обнаружив у себя на кухне целую батарею пустых водочных бутылок... Сначала друзья из деликатности обходили вопрос о моей зависимости, ожидая, что я справлюсь с ней сам. Потом пытались спасти от неё, невзначай предлагая телефоны наркологов и психологов. И, наконец, со мной устали возиться, и, махнув рукой, вычеркнули из списков контактов...

Вниз с горы покати́лась и моя карьера. Из-за запоев я проваливал одно задание за другим, и, в конце концов, из престижного отдела расследований дошёл до службы новостей, работа в которой традиционно считается уделом молодёжи, ещё не определившейся в тематике профессии, и неудачников, ни на что, кроме написания коротеньких заметок о происшествиях, не годных. Я оказался на ментальном кладбище слонов, в склепе для журналистов, вышедших в тираж. Но даже и на несложной хроникёрской службе, я не продержался долго, и был, наконец, определён на самое унижительное и скучное занятие – составлять телепрограмму для пятничного выпуска. От увольнения и, может быть, окончательной деградации, меня отделял один пьяный прогул, один скандал, устроенный с похмелья. Не сказать, что я не пытался вернуться к нормальной жизни. Несколько раз я завязывал со спиртным, но период ремиссии – времени, прошедшего без алкоголя, никогда не длился больше двух-трёх месяцев. Так что нынешние пять – настоящий рекорд. Впрочем, рано или поздно я сорвался бы снова, и в алкогольном угаре потерял бы всё, что ещё осталось от моей жизни. И вдруг – этот Колин звонок, эта возможность, оживившая меня... Терпиловское дело предоставляло мне шанс сразу же отыграться за все прошлые поражения и разом вернуть всё, что было потеряно в эти бездарные пять лет.

Эта история, безусловно, сенсация, особенно если сумеешь её правильно подать. Может быть, ещё лет пять-шесть назад её и не заметили бы, но сегодня – другое дело. Впервые за долгое время в нашей политической жизни появилась какая-то интрига. Собираются шумные митинги, выкрикиваются резкие лозунги, выходят разоблачительные статьи. Причём, системная оппозиция отодвинута на второй план, а на первом – внесистемщики с их координационными советами, сайтами и акциями. Но пока на все разоблачения власть спокойно отвечает: «Хорошо, если мы воры, если страна распродана и угроблена, то что же народ нас терпит? Почему нет массовых восстаний и протестов?» На это оппозиционерам ответить нечего, кроме того, что народ наш – быдло, Россия – отсталая рабская страна, и так далее. Но эта позиция маргинальна, и на вооружение её не возьмёт ни одна серьёзная политическая сила.

И вот на фоне этого странного затишья, когда взаимные обвинения повисают в воздухе, а поднятые для удара руки бессильно опускаются, появляется терпиловский случай. Это ответ всем – и охранителям, уповающим на стабильность, и сетевым бунтарям, обещающим власти тюрьмы и расстрелы. Оппозиция получит знамя, флаг, который можно высоко поднять, доказательство того, что в обществе действительно назрел серьёзный протест. Ничего, что нет украинской масштабности – и десятибалльная буря начинается с лёгкого ветерка. Обязательно объявятся горячие головы, призывающие к российскому Майдану, и их оппоненты, которые напомнят об ужасах революции и гражданской войны. Начнётся долгая, вязкая свара со взаимными обвинениями, спорами и скандалами. И посреди неё буду я, Игорь Свиридов, со своими всегда объективными и точными репортажами из гущи событий. Я не займу ни оппозиционную, ни провластную позицию, не допущу ни единой двусмысленности, ни одного пристрастного комментария, который дал бы повод причислить меня к той или иной партии. Я стану

независимым арбитром в противостоянии Кремля и оппозиции, сухим профессионалом, остающимся невозмутимым посреди горячки боя. К моему мнению начнут прислушиваться, мои оценки станут использоваться для интерпретации новых событий, моё имя в цитатах и комментариях будет тиражироваться в изданиях обоих лагерей. Если всё пойдёт по плану, успех гарантирован. И уж на этот раз я выжму из него всё до последней капли. Пойду на каждое телешоу, куда пригласят, дам интервью любому заинтересованному СМИ, вплоть до районной стенгазеты. Засвечусь везде, где возможно, и обо мне снова заговорят. Вспомнятся мои былые заслуги, воскреснет пропавшая репутация... Не пройдёт и полугода, как я займу прежнее, причитающееся мне по праву место в обществе, и вернусь к нормальной человеческой жизни...

Может быть, мои расчёты кому-нибудь покажутся циничными. Да что там, мне и самому отвратительны мерзавцы, которые в погоне за скандалами, интригами и расследованиями не останавливаются ни перед чем. Но, во-первых, в нынешних условиях у меня нет другого выхода. От этого дела зависит всё моё будущее, зависит то, не окажусь ли я через два года в подзаборной канаве в компании бомжей и алкоголиков. Во-вторых же мне не в чем себя упрекнуть и в профессиональном смысле. Я не собираюсь исказить факты или подавать события пристрастно – напротив, буду подчёркнуто объективен. И если эта история (в худшем, далеко не очевидном случае) посеет смуту и доставит кому-то неприятности, то разве я буду в этом виноват? Не я убиваю людей в Терпилове, и не я провоцирую бунтарей на насилие. Да и, в конце концов, освещение этого сюжета – просто мой журналистский долг. Ведь разве эта новость не достойна внимания? Разве страна не должна знать о происходящем тут? Так или иначе, но огласка у здешних событий будет: шила в мешке не утаишь. И хорошо, если этим займусь я, а не какой-нибудь дилетант, который или просто-напросто профукает тему, или продаст её в дешёвые таблоиды, где она бесследно сгинет через сутки после публикации. Так что прочь сомнения: сейчас главное, засучив рукава, приняться за работу. Делай, что должен, и будь, что будет!

Глава четвёртая

Выходные я провёл в приготовлениях к расследованию. В первую очередь – сходил к особняку убитого судьи, который располагался на южном выезде из города, в дачном посёлке «Романовском». Представление, составленное о нём ещё по фотографиям, оправдалось полностью – именно такой огромный и безвкусный дом, типичный для нуворишей с претензиями, я и ожидал увидеть. Тут была и широкая мраморная лестница, у подножия которой расположились два каменных льва, по-кошачьи выгнувшие спины, и фонтан размером с олимпийский бассейн, и бронзовые литые фонари, через каждый метр натканные вдоль выложенных английским камнем дорожек парка. Чувство меры явно изменило хозяевам при строительстве, и в итоге своей избыточной, вычурной роскошью вилла походила на одну из тех карикатурных старорежимных купчих, которые, собираясь на какой-нибудь приём в городскую управу, рядились в бархат и парчу и обвешивались всеми своими драгоценностями. Правда, если для купчихи наивное желание продемонстрировать свою состоятельность оканчивалось смешками за спиной да злыми памфлетами в прогрессивных журналах, то Обухову, похоже, даже подражали. Я с удивлением заметил, что многие здания в посёлке настолько, насколько это, вероятно, позволяли возможности их владельцев, копировали архитектуру судейского замка...

Я несколько раз обошёл место преступления кругом, надеясь обнаружить какие-нибудь новые, не замеченные оперативниками детали. Изучил забор, в котором преступники сделали щель, чтобы попасть на территорию виллы, и, по их примеру протиснувшись через неё, осмотрел парк и то самое кухонное окошко в подвальном помещении, через которое было совершено проникновение в дом. Однако, ничего, не вошедшего в отчёты, мне найти не удалось – полицейские, надо отдать им должное, поработали тут на славу. У визита в «Романовский» был лишь один значимый результат – из списка подозреваемых я уверенно вычеркнул охранников Обухова. Преступникам не нужно было их соучастие – даже после того, как после трагедии охрану посёлка перевели на усиленный режим работы, я смог без труда, не подняв тревоги, проникнуть на его территорию. С тыльной стороны дома судьи не было ни камер, ни систем сигнализации, обходы же дежурные, судя по тому, как редки были их следы на недавно выпавшем снеге, делали не часто...

Я хотел изучить также и место убийства Пахомова, но, порассуждав, отказался от этой мысли. Во-первых, до Апрелевки, деревни, в которой находилось поместье отставного олигарха, добраться оказалось непросто – общественный транспорт перестал ходить туда ещё в середине девяностых. А во-вторых, даже приехав туда, я не знал бы что делать. Вилла Пахомова охранялась не в пример лучше судейской, это я понял ещё по фотографиям из дела. Кроме того, вместо сотрудников частной охраны там теперь дежурили полицейские. В лучшем случае я бы просто не узнал ничего нового, а в худшем – ещё и привлёк бы к себе ненужное внимание местных жителей и правоохранителей. Дело вполне могло закончиться и моим задержанием, о чём немедленно узнал бы Ястребцов. А что он подумает, когда узнает, что я за его спиной провожу какое-то собственное расследование? Нет, лучше уж держать его на сей счёт в неведении – это и даст мне больше свободы, и предоставит пространство для манёвра на какой-нибудь непредвиденный случай.

Оставаясь в своём гостиничном номере, я взялся за изучение «Терпиловской правды», газеты, в которой мне предстояло работать следующие несколько недель. Она оказалась обычным третьесортным листком, обслуживающим нехитрые информационные интересы городской администрации. Большую часть ее составляли официальные объявления и статейки, прославляющие работу местных чиновников, samozабвенно трудящихся на благо горожан. Написаны они были таким высокопарным слогом, что мне всё казалось, будто дешёвая бумага,

на которой печаталась газета, вот-вот засочится патокой у меня под пальцами. Одну заметку, доставившую мне минуту иронического удовольствия, я даже сохранил на память.

«Противники действующей власти не устают жаловаться на проблемы, существующие по их мнению в структуре городского жилищно-коммунального хозяйства, – писал её автор, некий Валентин Милинкевич. – Особенно часто необоснованным нападкам подвергаются руководители этого подразделения. В частности, в заявлении, недавно поданном одной из оппозиционных партий на имя прокурора города, содержится требование проверить факт приобретения за бюджетные средства внедорожника марки «Мерседес» для Ивана Ильича Кузьмичёва, начальника Управления ЖКХ Терпилова. Функционеры этой карликовой партии, московский лидер которой не скрывает диплома, полученного в американском Йелле, наверняка пыжались от гордости – повод для дешёвого пиара найден, Моське удалось-таки как следует облаять слона. А прокурорам не до шуток, им предстоит теперь потратить немало часов ценного рабочего времени на то, чтобы объяснить горе-политикам очевидные истины. Рассказать им, что автомобиль для чиновника – не просто средство передвижения, а продолжение его кабинета, где осуществляется работа с документами, проводятся удалённые совещания, согласовываются критичные для города вопросы. Давайте смотреть правде в глаза: в стареньких «Жигулях» качество этого труда значительно упадёт, а, следовательно, снизится и уровень работы городских служб. Конечно, национал-предатели хотели бы видеть отечественных руководителей одетыми в рубище и на паперти, но стоит ли доставлять им такое удовольствие, особенно жертвуя собственными удобствами?»

Вторая претензия, озвученная оппозиционерами к городскому ЖКХ, заключается в, якобы, чрезмерном росте цен на его услуги, опережающем даже инфляцию. Но так ли состоятельны аргументы господ-грантоедов, тщательно воспроизводимые ими по методичкам, получаемым в приёмных иностранных посольств? Любителям считать деньги в чужих карманах должно быть известно, что за последние несколько лет коммунальная сфера претерпела революционные изменения. В ней иным стало всё – кадровый состав, в котором ныне преобладают иностранцы, технологии, методы работы. Чудес не бывает: новое качество услуг требует и иной оплаты. Да, цены действительно растут, но вместо того, чтобы привычно голосить «всё пропало!», неплохо бы попробовать отыскать в этом и светлые стороны. А их немало. Во-первых, удорожание коммуналки автоматически приводит к повышению зарплат её служащих, а, следовательно, и уровня их труда. Во-вторых, на вырученные средства восстанавливается техническая инфраструктура, изрядно потрёпанная в лихие девяностые. В-третьих же, выросшие тарифы стимулируют и простых граждан, то есть нас с вами, внимательнее относиться к расходованию ресурсов, что, в конечном итоге, сказывается на экологии а, следовательно, делает мир вокруг нас чище.

Впрочем, большинству горожан всего этого объяснять не нужно, что подтверждает и отсутствие от них серьёзных жалоб на ЖКХ и то, что на всех последних выборах наши люди последовательно поддерживают действующую власть. Так что остаётся пожелать всем работникам этой сферы городского хозяйства и лично Ивану Ильичу терпения и выносливости в это непростое для них время».

В «Терпиловку» я направился утром в понедельник. Здание редакции, расположенное недалеко от центра города, на Варфоломеевской улице, я узнал не сразу. К памятному мне двухэтажному сооружению из белого кирпича сделали какую-то стеклянную пристройку, похожую на теплицу, а само оно оказалось обвешано рекламными баннерами и объявлениями. По всей видимости, часть помещений редакция сдавала в субаренду. Вывески сообщали, что там теперь располагались парикмахерская, магазинчик промтоваров и туристическое агентство «Анталия». Выцветшую рекламную растяжку последнего украшало изображение двух оципаных кустов, на которые, дико вытаращив глаза, пялился какой-то павиан с рогами. Интерьер здания, очевидно, полностью сохранился ещё с советских времён. Всё тут узнавалось

с первого взгляда – казённая синяя краска на стенах, разбитый кафельный пол, неаккуратно залатанный плитками разного цвета, пыльные пластиковые пальмы в кадках и пожелтевшие от времени репродукции в облупленных рамках... На входе меня встретил колючий взгляд старой вахтёрши, по горло закутанной в чёрную шерстяную шаль.

– Вам к кому? – спросила она грудным голосом, гулким эхом раздавшимся по помещению.

– К Стопорову, главному редактору.

– По какому делу?

– На собеседование, – неохотно удовлетворил я её праздное любопытство.

– Он вас ждёт?

– Да.

– Ну посидите вон, в уголке, рядом со столиком. Виктор Николаевич ещё не пришёл.

Я устроился в углу у кадки с застуженным фикусом и открыл валявшийся на журнальном столике растрёпанный номер «Космополитена». Полчаса ожидания я провёл, листая журнал и без интереса проводя глазами заходивших в здание людей, в основном клиентов турагентства, находившегося в комнате напротив входа. Несколько раз мимо меня, громящая ведром и сильно припадая на левую ногу, проковылял уборщик – маленький мужичок с испитым морщинистым лицом, одетый в безразмерный синий комбинезон. Оказываясь рядом со мной, он каждый раз замедлял шаг и задумчиво оглядывал меня с ног до головы, видимо, ища повод завести беседу. Но я нарочито не замечал его, и он, наконец, оставил меня в покое.

Вскоре на вахте послышалось быстрое перешёптывание, и я увидел направлявшегося ко мне от двери высокого гладкого старика с седой обстриженной бородкой, в аккуратном сером костюме и со светлым кожаным портфелем в руке.

– Вы от Николая Николаевича? – спросил он, растягивая свои тонкие малиновые губы в улыбке.

– Я кивнул, вставая.

– Я Фёдор Иванович Стопоров, главный редактор, – представился он.

– Игорь Кондратьев, – ответил я, пожав его тонкую сухую ладонь.

– Ну, пойдёмте ко мне, поговорим.

Введя меня в свой маленький аккуратный кабинет, Стопоров указал мне место на сафьянном диване у входа, а сам опустился в кожаное, обитое медными гвоздиками кресло за столом. Во всех его действиях заметна была какая-то взволнованная поспешность, словно он ожидал от нашей встречи чего-то необыкновенного, эксцентричного, и такого, что должно было случиться немедленно, в эту самую минуту.

– Чаю не хотите? – спросил он.

– Нет, спасибо.

– Ну что же, что же, – он кашлянул в кулак. – Давайте знакомится. Мне Николай Николаевич сказал, что вы уже работали в газетах?

– Да, я профессиональный журналист. Работал в «Известиях», «Труде», «Вечерней Москве». Только об этом, я надеюсь, вас предупредили, нельзя никому ни слова.

– Да, да, конечно. Я никому ничего не сказал сверх того, о чём мы условились с Николаем Николаевичем. А с органами вы тоже давно сотрудничаете?

– Да, давно, – ответил я, нехотя поддерживая нелепое реноме тайного агента, навязанное мне Ястребцовым.

Редактор с минуту внимательно изучал меня. В его взгляде было что-то просто-душно-наивное и вместе с тем восторженное – так дети смотрят на желанную игрушку в витрине магазина. Всё это немало насторожило меня. Уж не переборщили ли мы с Николаем с нашей шпионской легендой? Кажется, даже в том безобидном виде, который мы придали ей, она производит эффект разорвавшейся бомбы в затхлом мире провинциальной газеты.

Не дошло бы теперь до беды... Мало того, что редактор отныне станет следить за каждым моим шагом, но он может и не удержаться от соблазна рассказать кому-нибудь обо мне. А в этом случае и моё инкогнито, и сама операция могут оказаться под угрозой. Ведь ещё ничего, если Стопоров проболтается только каким-нибудь местным кумушкам, для которых вся эта история станет лишь очередным поводом почесать языками. Но вдруг он разоткровенничается в присутствии убийцы? Поверит ли тот подобной галиматье, или сразу заподозрит неладное?

– Ну что же, – спохватился Стопоров, заметив, что пауза между нами уж слишком затянулась. – Редакция у нас небольшая – двое журналистов, фотограф, верстальщик, ответственный секретарь и корректор. Работайте, пишите заметки, ну а по всем вопросам – ко мне. Договорились?

– Договорились, – согласился я.

– Когда вы хотите начать?

– Желательно как можно скорее.

– Если хотите, я вас прямо сейчас познакомлю с коллективом.

– Это было бы лучше всего.

Стопоров, не отрывая от меня пристального ласкового взгляда, снял с рычага глянцевого красного телефонного аппарата трубку и быстро застучал пальцем по кнопкам.

– Валя? – с придыханием крикнул он, дождавшись ответа. – Вы в сборе там? Я нового сотрудника привести хотел. Да? Хорошо, сейчас буду, не расходитесь.

– Ну, пойдёмте! – решительно сказал он мне, и, с шумом отодвинув стул, поднялся на ноги.

– Выйдя из кабинета, мы зашагали по узкому коридору, устеленному старым вытертым линолеумом. На стенах, выкрашенных той же казённой синей краской, что и холл, в стеклянных рамках висели фотографии деятелей искусства, в разное время побывавших в редакции. Я без особого интереса осмотрел снимки Никулина, испуганно, словно в дуло револьвера, глядящего в камеру, Неёловой, укутанной в меха, и каких-то ещё неизвестных мне артистов. Некоторые из визитёров оставили на фото автографы. «Прекрасный у вас город, только ночью выпить негде», – вывел Панкратов-Чёрный, довольно ослабившийся из-под чёрных усов со своего портрета. Максим Галкин небрежно и размашисто расписался, сделав ошибку в названии города: «Всё понравилось, надеюсь вернуться в Терпилин».

Кабинет журналистов располагался за обитой войлоком и коричневым дерматином дверью в дальнем конце коридора. Ещё издали я слышал звуки энергичного спора, раздававшиеся из-за неё.

– Я просто считаю, что эта система себя изжила, она не гуманна, а значит – обречена на гибель! – звонко возмутился чей-то молодой голос. Ему глухо и тихо отвечали.

– Это Саша Васильев, фотограф наш, – обернувшись ко мне, смущённо пробормотал Стопоров. – Так-то он парень хороший, но любит, знаете, поспорить, слабость у него такая.

– О чём? – спросил я.

– Да о чём сейчас все спорят? О политике. Он человек молодой, активный. В оппозиционность вот играет, фрондёрствует. Перебесится ещё – какие его годы. Вы просто не обращайтесь на него внимания. Вот сюда, пожалуйста.

Редактор раза два властно ударил кулаком в дверь, и разговоры за ней стихли.

– Войдите, – через секунду отозвался чей-то развязный голос.

Мы вошли. Кабинет оказался широкой комнатой, в каждом углу которой стояло по столу, а вдоль стен располагались канареечного цвета шкафы с книгами и какими-то папками. Вся мебель была старая и ветхая, ещё советского производства. За ближним ко входу столом сидел высокий синеглазый блондин лет восемнадцати-двадцати со скуластым энергичным лицом. Своим видом он напоминал воробья, потрёпанного в драке: его длинные, до плеч, светлые волосы были взъерошены, а глаза злобно блестели. Старый вязаный свитер как мешок висел

на его худых плечах. На меня и Стопорова он бросил лишь один неприязненный взгляд и тут же отвернулся обратно к светящемуся экрану монитора, видимо, досадуя на нас за то, что мы своим появлением прервали беседу, в которой он участвовал.

За столом у окна, вальяжно развалившись в кресле и закинув ногу на ногу, сидел другой молодой человек. Он был старше первого лет на семь, и был невысокого роста и кряжистого телосложения. Причёсан он был с аккуратным пробором, а на его толстом, на щеках испещрённом язвами от ветрянки лице было благодушно-насмешливое выражение. Одет он был в недорогой, но аккуратный и тщательно выглаженный шерстяной костюм.

Третий сотрудник, сидевший в углу у двери, что-то быстро набирал на клавиатуре и даже не оглянулся при нашем появлении. Я заметил только его лоснящуюся лысину и багровую шею, выступавшую над наглухо застёгнутым воротником белой шёлковой рубахи.

– Ребята, сюда внимание, – громко объявил Стопоров, чуть подавшись всем телом вперёд и деловито потерев ладони. – Это наш новый сотрудник Игорь Кондратьев, прошу любить и жаловать. Игорь Антонович, разрешите и я вас всем представляю, – обратился он ко мне. – Вот Александр Васильев, наш фотограф, – сказал он, указывая на взъерошенного блондина. Тот вскочил с места и с угрюмой, неожиданной у него учтивостью, словно дуэлянт на вызове, с усилием пожал мне руку, тряхнув при этом своей растрёпанной гривой.

– У окна Борис Бурматов, корреспондент.

Элегантный молодой человек, не вставая, с ироничной улыбкой коротко кивнул мне.

– А вот в этом углу, – торжественно заключил редактор, – прячется Валентин Милинкевич, наша, так сказать, звезда.

– Сейчас я, Федя, – капризно выкрикнул Милинкевич, поднимая над головой красный указательный палец и продолжая другой рукой печатать. – Цвай секунден!

Окончив своё дело, он с упругостью мячика спрыгнул со стула, встряхнул руками, словно стряхивая с них муку, и сунул мне свою влажную, мягкую ладонь.

– Валентин, – приветливо произнёс он, с любопытством всматриваясь в меня. – Давно вы в наших краях?

– Неделю как приехал, – ответил я, в свою очередь оглядывая его. Это был человек лет сорока, совсем лысый, с дряблым брюшком и в очках с роговой оправой, из-под толстых стёкол которых игриво светились маленькие серые глазки.

– Ну, оставляю вас на поруки Валентина Иосифовича, а сам удаляюсь, – сказал Стопоров, значительно кивнув мне головой на прощание. – Валя, ты с Гороховым не тяни ради Бога, – остановившись в дверях, плаксиво добавил он. – К пятничному номеру успеть бы.

Когда редактор вышел, я, ожидая дальнейших распоряжений, опустился на небольшой серый диван с обшарпанной обшивкой, стоявший у входа для посетителей. Милинкевич, подкатив из угла своё рабочее кресло на колёсиках, устроился напротив меня, локтями оперевшись в колени.

– Фёдор Иванович сказал, что вы из Москвы к нам приехали, – благодушно улыбаясь, произнёс он, сопроводив фразу коротким утвердительным кивком.

– Да, из Москвы, – подтвердил я.

– И в газетах уже работали, как я понимаю?

– Работал.

– Тоже в местных, или в федеральных? – последнее слово он выговорил с подобострастным придыханием.

– В основном в местных, в федеральных не довелось, к сожалению.

– А сюда зачем приехали? – вдруг бесцеремонно бросил со своего места Бурматов, который уже минуту с блестящей в глазах ироничной искрой приглядывался ко мне. – В нашу-то дыру?

– По семейным обстоятельствам, ухаживаю за пожилым родственником, – повторил я нашу с Колей историю.

– И как выздоровеет вы всё, фьють?

– Нет, я думаю в Терпилове надолго обосноваться. Возможно, и насовсем сюда перееду.

– Это из Москвы-то? – недоверчиво усмехнулся Бурматов.

– Да, вот тебе, Борь, не понять, как это из самой Москвы можно куда-то уехать, – ехидно заметил из своего угла растрёпанный блондин.

– Да почему не понять, всякое бывает, – не оглянувшись на него, равнодушно произнёс Бурматов. – А жена, дети у вас есть?

– Ну всё, Боря, хватит мучить человека, – прервал его Милинкевич, вставая с места. Я поднялся вслед за ним. – Это у нас спорщики ребята, – сказал он, и, подхватив меня под руку, отвёл к незанятому столу у окна. – Вот тут будет ваше место. На компьютере от прежнего сотрудника всё осталось – электронная почта, текстовый редактор. Доступ в интернет, если нужен, попросите у меня, я вам открою. Система у нас такая: написав заметку, отправляете мне, я вычитываю и если всё хорошо, отношу в корректорскую – тут тётушка за стеной сидит. Потом она возвращает её вам на правку или, если надо, на сокращение. У вас, наверное, не так в Москве было?

– Нет, у нас сразу на полосе была вся правка, в электронном виде.

– Ну мы тоже постепенно на электронное производство переходим, но что делать, редактор человек пожилой, привычный к бумаге, – сказал он извиняющимся голосом. – Пока вот так приходится. Вы вообще как, с сегодняшнего дня работаете, или пока отдыхаете с дороги?

– Я хотел бы начать как можно скорее.

– Ну что же, чтобы вам поскорее втянуться, давайте я вам сразу задание дам.

Милинкевич подхватил со стола блокнот в истёртой кожаной обложке, между страниц которого виднелось множество разноцветных закладок, и начал энергично листать его, слюнявя палец.

– Вот, нашёл, – сказал он, наконец. – К следующему номеру, в пятницу, нам нужен большой репортаж из городской больницы о новом рентгеновском аппарате. А в нынешний выпуск надо бы сделать заметку о нашей швейной фабрике строчек на тридцать. Вот такие вот у нас новости, – виновато улыбнувшись, развёл он руками. – Справитесь?

Я утвердительно кивнул.

Глава пятая

Сев за указанный мне стол в углу, я включил компьютер. Пока этот дряхлый агрегат родом из девяностых загружался, визжа вентиляторами, я осмотрелся вокруг. Милинкевич, ссутулившись над клавиатурой, энергично клацал по клавишам, время от времени сверяясь с каким-то исчерканным листом, лежащим перед ним на столе. Худой блондин, подсев к своему элегантно одетому оппоненту, что-то доказывал ему горячим полушёпотом. Тот не отвечал, а только взглядом показывал на меня – дескать, веди себя прилично на людях. Впрочем, по его ироничной улыбке и смеющимся глазам понятно было, что он вовсе не смущён моим присутствием, а лишь пользуется им как поводом, чтобы позлить своего собеседника. Блондин, кажется, чувствовал это, и оттого сердился и краснел ещё больше.

Кто-то из этих людей владеет ключом к тайне, которую мне предстоит разгадать. Как преступник отнёсся к неожиданному появлению в редакции незнакомца? Поверил ли он моей истории, или заподозрил неладное? И если последнее, то как поступит – заляжет на дно или предпримет что-нибудь отчаянное? Странно, но только теперь я всерьёз задумался об опасности, связанной с этим делом...

Заметку о швейной фабрике я написал за полчаса. Информационный повод был не Бог весть какой – городская администрация заказала предприятию пошив трёхсот униформ для сотрудников коммунальных служб. Его счастливый директор не меньше десяти минут рассказывал о том, как чуть ни до слёз обрадовался коллектив работе, как для её выполнения пришлось расчехлить несколько старых станков, давно ржавевших в консервации и даже нанять пятерых временных сотрудников. Слушая его, я вспоминал эту самую фабрику – огромное двухсотметровое здание из красного кирпича. В советское время там работала половина города, и у предприятия были свои автопарки, базы отдыха, училища. Теперь же оно чуть ни с салютом отмечает ничтожный заказ на костюмы для дворников-таджиков. В этой радости по самой её неестественной чрезмерности угадывалось что-то истеричное и нездоровое...

Окончив текст, я отправил его Милинкевичу. Тот, видимо, только из редакторского самолюбия безо всякой необходимости поправил там два или три слова, и передал в корректорскую. Вскоре я получил полосу на вычитку. Мой материал был набран в рубрике под названием «Возрождение», занимавшей целый разворот.

Помимо прочего в ней обнаружили подробный рассказ о реставрации памятника Кутузову перед зданием администрации, сводка дорожных работ, проводимых на одной из улиц, и интервью полицейского начальника, изобилующее статистическими выкладками, призванными свидетельствовать о снижении уровня преступности в городе. Особенно умилила меня восторженная статья о некоем бизнесмене, облагородившем территорию возле одного из пригородных водоёмов.

«На протяжении десяти последних лет Столяровский пруд, когда-то являвшийся любимым местом отдыха горожан, был заброшен, – прочитал я. – Его затянуло ряской, дорожки в окружающем парке заросли травой, а скамейки уничтожили вандалы. Предприниматель Михаил Михайлович Фердыщенко не только на собственные средства заасфальтировал подъезд к пруду, но и организовал прокат рыболовного снаряжения и торговлю напитками для отдыхающих. В парке также работают тир и танцплощадка. Вход стоит недорого – пятьдесят рублей для взрослых и двадцать – для детей».

Под материалом красовалась фотография жизнерадостного толстяка с отвисшими бульдожьими щеками и нахальными глазами навыкате. В руках он держал огромную рыбу. «Семикилограммовый карп, пойманный М. М. Фердыщенко в Столяровском пруду», – гласила подпись.

Я усмехнулся. Этот пруд – часть городского Парка воинской славы, а такие объекты в аренду сдавать нельзя. Следовательно, Фердыщенко захватил его незаконно. Собственно, схема эта, отсылающая к классической проделке Остапа Бендера у Пятигорского провала, известна хорошо. В один прекрасный день в какой-нибудь пустующий парк, завозятся торговые палатки и игровые автоматы, а на входе в него появляются шлагбаум и билетная касса. Посетители, ничего, как правило, не понимающие в юридических тонкостях, расстаются с деньгами безропотно, ну а с редким бузотёром, который наберётся наглости потребовать уставные документы и жалобную книгу, побеседуют мордovorоты-охранники... Ближе к Москве подобные фокусы давно уже вызывают не восхищение, а всеобщее возмущение, и по их поводу пишутся не хвалебные статьи, а заявления в суды. Тут же, в Терпилове, это всё ещё новость, проходящая по артикулу о возрождении. Да уж, «возрождение»... Ничтожный заказ для бывшего промышленного гиганта, покраска старого памятника и жулик-бизнесмен, прибравший к рукам муниципальный пруд. Этот город явно живёт иллюзиями...

Мне захотелось пить, и я спустился на первый этаж, чтобы купить в торговом автомате банку сока. Возвращаясь, я ещё на лестнице уловил звуки спора, возобновившегося в комнате в моё отсутствие.

– Ну а что делать, куда идти, если у тебя совсем нет никаких вариантов? – кричал высокий возбуждённый голос, по которому я узнал Александра. – Вот если совсем-совсем ничего, и при этом денег – ни копейки?

– Если нет денег, заработать надо, – флегматично отвечал ему Бурматов. – Чего тут неясного?

Я зашёл и сел на своё место. В этот раз разговор при моём появлении не прервался, спорщики только перешли на драматический шёпот, хорошо, впрочем, различимый в тишине кабинета.

– Ну а где заработаешь? – шептал блондин, перегнувшись через свой стол. – Если вот человек живёт в деревне, если у него нет никаких возможностей для того, чтобы продавать свой труд, учиться, если он даже до города доехать не может – и тех копеек нет. Что тогда ему делать?

– Если хочет, найдёт возможность, а остальное – отговорки, – флегматично отвечал Бурматов, разбирая что-то у себя на столе.

– Ну какую, какую возможность? – не сдержавшись, во весь голос горячо вскричал Саша. – Сам-то ты как в этой ситуации поступишь?

Бурматов не отвечал ему, отвлёкшись на что-то в своих бумагах.

– Вот вы рассудите нас, – не дожидаясь ответа, вдруг повернулся молодой человек ко мне. – Мы спорим по следующему поводу: не знаю, известно ли вам, но в социологии есть такое понятие как социальная мобильность – то есть возможность для человека подниматься по социальной лестнице, реализовываться, иначе говоря. Я утверждаю, что сегодня у нас в государстве для огромного числа людей такой возможности нет, перспективы любые отсутствуют, а значит, нет у страны и будущего. Вы согласны с этим?

– Я не знаю сути дела, – несколько растерявшись сказал я, переводя взгляд с разгорячённого и раскрасневшегося молодого человека на Бурматова. Тот смотрел на меня с ироничным сочувствием – вот, мол, и вы попались нашему забияке. – Тут надо опираться на какие-то исследования, данные, которых у меня нет, и я...

– Исследования, данные, – разочарованно протянул Саша, отчаянно махнув рукой. – Вы что, по сторонам не смотрите? Не знаете, как страна наша живёт? Вот наш город: работать негде, учиться тоже нет возможности, все должности заняты кумовьями да друзьями чиновников, собственное дело тоже не начнёшь без взяток. И вот он, – Саша театральным жестом указал на Бурматова, – утверждает при этом, что у нас тут равные возможности для всех.

– Я не это говорил, – презрительно процедил Бурматов. – Я говорил, что эта твоя социальная мобильность вообще даром никому не нужна.

– Да как же так! – вскричал Саша. – А если...

– Дай договорить, – спокойно продолжал Бурматов. – Ты вот кричишь, что кого-то там зажимают и ограничивают. Ну предположим, это так. Но ты у самых этих жертв эксплуатации спросил – устраивает ли их такая жизнь? Может быть, людям как раз и нравятся ограничения, нравится не иметь выбора? С чего ты решил, что это так уж плохо?

– То есть ты предполагаешь, что найдутся те, кто по доброй воле откажется улучшить свои бытовые условия, откажется от образования, культуры, наконец, банально от лучшего питания?

– Не предполагаю, а утверждаю, – сказал Бурматов.

– Да почему ты так думаешь?

– Да потому. Человек ничего так не ценит как возможность вовсе не принимать никаких решений и спокойно плыть по течению. Именно потому коммунизм твой любимый так популярен был, что ничего не надо было никогда решать. Цели раз и навсегда поставлены, нравственный выбор предопределён на века. Будущее прекрасно, человек велик, партия мудра. Учение Маркса всесильно потому, что оно верно. Космонавта запустили, лучшего в мире «Шерлока Холмса», как ты мне однажды проповедовал, сняли. А тебе только и остаётся что селёдку, завернутую в «Правду» жрать, да «Столичной» запивать, если, конечно, сможешь её достать.

– Ну что ты врешь! – негодуя выпалил Саша, нетерпеливо, с дрожащими губами ждавший окончания его речи. – Где я говорил, что коммунизм – мой любимый? Нигде никогда я не говорил этого! Да, есть детали, которые мне нравились, и сейчас я от них не откажусь – общинность, например. Я думаю, потому коммунизм нашему народу так ко двору пришёлся, что именно эта струна в нём звонче других для нашего уха прозвенела, но, но... – он запнулся, и тут же с досадой отмахнулся. – В общем, не в этом суть! А второй раз соврал – что выбора тогда не было. Уж в отсутствии выбора социализм ты не упрекнёшь. Будь кем хочешь – сталеваром, инженером, врачом, никто тебе не запретит, преград не поставит. Ничего не надо – ни взяток, ни связей – куда хочешь поступай, на кого хочешь учись. Сколько у нас великих людей, всему миру известных, за эти годы поднялось! И это – отсутствие выбора? Особенно в сравнении с сегодняшним-то?

– Ну чёрт с ним, – махнул рукой Бурматов, кажется, ничуть не обидевшись на тон своего собеседника. – Это оставим в покое, ну вот другой пример, поближе. Знаешь же такую фирму – «Эпл»?

– Ну знаю, – недоумённо произнёс Саша, во все глаза глядя на Бурматова, очевидно, не понимая, куда тот клонит.

– Так вот посмотри сколько у неё фанатов и последователей. А на чём она так поднялась-то? На ограничении выбора. У других фирм десятки моделей ноутбуков, мобильных телефонов и планшетов, а у неё – всего по две-три на каждую линейку. Выбора нет – пользуйся тем, что дают. И люди осознанно идут на это, во многом себя ограничивая, лишаясь определённых программ, услуг, и так далее. И, главное, рады этому, рады тому, что не надо мучиться, принимать решения. А как яростно они защищают своё рабство! Зайди на любой технический форум и почитай ветку, посвящённую яблочным продуктам. Не было у «Айфона» возможности отсылать мультимедийные сообщения, не было спутниковой навигации – и фанаты кричали во всё горло, что им это и не нужно, изо всех сил нападая на тех, кто утверждал противоположное. А когда эти функции в новых моделях телефона появлялись, они и их начинали защищать с такой же свирепостью.

– Да что же тут такого? – сказал Саша. – Да, люди слабы, это и без того ясно. Многие не только поддаются потребительским стереотипам, но и идут на поводу лжеучений, религий, всяких сект, и так далее. Вопрос только в том – нормально ли такое состояние для человека?

– А чего ненормального-то? Для человека нормально то состояние, в котором ему комфортно, – кладя ногу на ногу и свободно откидываясь в кресле, ответил Бурматов. – И уверяю тебя, нет для него геморроя больше, чем стремиться к этой твоей лучшей жизни. Ни одна война столько людей не убила, сколько эта светлая мечта. Хотят-то все, а могут – единицы. Что ты на меня так смотришь, не понимаешь? Ну вот желает какой-нибудь быть большим начальником, да волей природа обделила, хочет стать певцом, а голоса-то нет, стремится изобретениями прославиться, да мозгами не вышел. А тут ещё лень-матушка наша русская. И что в итоге? Разочарование, трагедия и пьянство. Это же у нас сплошь и рядом, на каждом шагу. Вот она твоя свобода выбора на практике. Тут пару месяцев назад скандал был, не слышал небось? Высмеивали одного профессора, лингвиста-востоковеда, который заявил, что было бы неплохо организовать у нас касты по образцу древнеиндийских. В какой касте родился, в той и пригодился. Нет ни роста вверх, ни падения вниз. Сразу ясно – чего в жизни можно достичь, а чего – нельзя просто по определению. Нищеврод из Марьино не будет завидовать «Бентли» миллионера – он знает, что его потолок – кредитный «Фокус», миллионер не будет на яхту миллиардера пускать слюни, он тоже своё место понимает. И никаких бессмысленных и ненужных страстей. Мир, покой, всеобщее благоденствие. По-моему хорошая идея, а? Как ты считаешь?

– А вдруг наоборот, вдруг – силы есть, а двигаться – некуда? – мрачно и зло заговорил Саша. – Вдруг ты как будто клещами сжат со всех сторон и задыхаешься, а выбраться, вздохнуть свободно, не можешь? Я даже не про эмоциональную сторону говорю – это тебе смешно, – да, я знаю, махнул он рукой на попытавшегося возразить Бурматова, – а про практическую – ведь нация ослабеет, если не будет пользоваться всеми ресурсами, не станет выделять из своего числа выдающихся личностей. Ведь сколько мы понапрасну сил растратим, сколько погубим себя зазря, сколько гениев, может быть, не выразятся, не принесут пользы!

– Почему не принесут? Гений всегда найдёт способ подняться над посредственностью, вспомни хоть Ломоносова. Ну а грязь как была на земле, так и останется – да там ей и место.

– Грязь! Это про людей ты – грязь?! Да понимаешь ли ты, что ты все свои аргументы вот этими вот своими словами опрокидываешь? Да мало того – ты и самого себя из общества изгоняешь, ото всех отделяешь! Что же ты за человек такой?

– Ну, такой вот я человек, – саркастически понурился Бурматов.

– Да иди к чёрту! – вспыхнул Васильев и, встав с места, выбежал из кабинета.

Бурматов усмехнулся, спокойно повернулся к своему компьютеру и продолжил работать.

Я удивлённо проводил Сашу глазами. Вся эта беседа немало озадачила меня, и не только тем, что, расследуя политическое убийство, я тут же, с первых шагов натолкнулся на политический же спор между моими подозреваемыми. Над этим ещё предстояло задуматься, но главная странность показалась мне в другом. Очевидно, молодые люди спорили так не первый месяц. Но что питает этот нескончаемый пожар? Дело тут явно не в самолюбии и не в обычной юношеской потребности в самоутверждении. Кажется, энергичный блондин совершенно искренне желал доказать что-то своему собеседнику, да и тот, вроде бы, не без интереса отвечал ему. Но почему? Неужели же за всё это время они не успели узнать друг друга, и, несмотря на свою молодость, не выяснили, что по разности характеров никогда и ни в чём друг друга не смогут убедить? Давно можно было бы найти тысячу причин, чтобы раз и навсегда прекратить эту бесконечную, и, кажется, им самим до смерти надоевшую свару... Тут был или какой-то невероятный случай когнитивного диссонанса, или между собеседниками присутствовало неизвестное стороннему наблюдателю психологическое противоречие, некий таинственный пунктик, вокруг выяснения которого, и вертится, может быть и неосознанно, всё обсуждение. Не может ли в нём, в этом пунктике, скрываться разгадка моей тайны?..

Глава шестая

В два часа дня журналисты начали собираться на обед. Милинкевич, который, видимо, давно ждал повода заговорить со мной, пригласил вместе со всеми и меня. Питались сотрудники в небольшом кафе «Зебра», расположенном на первом этаже соседнего с редакцией жилого дома. Стремясь придать заведению антураж, соответствующий названию, владелец не поспешил на неоновую вывеску, изображающую полосатую обитательницу саванны на фоне оазиса, занавески песочного цвета и пёстрые скатерти в африканском стиле. У стен, помимо того, кое-где стояли вялые пальмы, а под потолком болталось несколько запыхлённых бумажных ламп. На стеклянной двери кафе кроме обычных рекламных объявлений о десяти сортах кофе и бизнес-ланче за сто рублей, я заметил и наклейку, обещающую бесплатный интернет по WiFi. А вот это было как нельзя кстати. С самого приезда в город я не переставая винил себя за то, что не собрал подробных сведений по терпиловским событиям ещё в Москве. Местная сотовая связь работала из рук вон плохо, а в гостинице своего доступа в сеть не оказалось. Редакционный компьютер – тоже не вариант, историю поисковых запросов в локальной сети газеты очень легко отследить. Так что если интернет есть здесь, надо обязательно воспользоваться случаем...

В кафе мы разошлись по разным столикам. Саша с Бурматовым, всё продолжавшие свой бесконечный спор, устроились в углу, мы же с Милинкевичем сели у окна. Подошедшая через минуту официантка – полная бурятка в жёлтом переднике и пилотке в чёрно-белую полосу, веером, как колоду карт, выложила перед нами два пластиковых преysкуранта и винную карту.

– Девушка, мне бизнес-ланч, пожалуйста, – не притрагиваясь к меню, сказал Милинкевич.

– Мы предлагаем два стандартных бизнес-ланча на выбор, – монотонно, словно спросонья, пробубнила официантка, – Номер один – суп харчо, котлета по-киевски, винегрет и компот, и номер два – уха, плов, салат оливье и чай.

– Первый давайте, – сказал Милинкевич, с видом знатока подмигнув мне.

– А вам что? – обратилась официантка ко мне.

– И мне то же самое, – ответил я.

– Не пожалеете, борщ тут – пальчики оближешь, – пообещал Милинкевич, плотоядным взглядом проводив широкую корму уходившей официантки. Затем, словно опомнившись, шумно придвинул стул к столу, как прилежный первоклассник сложил перед собой руки и пылливо заглянул мне в глаза. Я с трудом удержался от улыбки – точно такой же любопытный детский взгляд я видел утром у главного редактора. Да, видимо, моя догадка верна и местная жизнь действительно скупа на события...

– Ну, как вам у нас в первый день? – спросил он масляным голосом, по-птичьи дёрнув шей.

– Пока всё хорошо, – улыбнулся я.

– Город у нас хороший, только вот как же вы тут после Москвы? Там столичная жизнь, энергия ключом бьёт, а у нас всё-таки, знаете ли, провинция.

– Да мне спокойствие как раз и нужно сейчас.

– Да, я понимаю, большой родственник, – сочувственно покачал головой Милинкевич. – А чем, позвольте поинтересоваться, болен? Я не просто так спрашиваю, если нужен хороший врач...

– Сахарный диабет. Шестьдесят семь лет человеку, начались осложнения. Насчёт врача – спасибо за предложение, но у нас тут есть доктор, отец у него десятый год уже лечится.

– Ну да, ну да... Вы говорите, надолго в Терпилове хотите остаться?

– Да, я надеюсь... – ответил я спокойно.

В это время официантка принесла на широком деревянном подносе наши заказы. На первое был жиденький суп с каплей сметаны, на второе – сухая котлета, обрызганная подливкой,, с глянцево блестящим картофельным пюре в качестве гарнира. Пока женщина расставляла приборы, Милинкевич внимательно следил за её руками, словно ожидал поймать её на какой-нибудь хитрой махинации.

– А у вас в Москве была определённая специализация? – спросил он, дождавшись её ухода.

– Да нет... У нас редакция была небольшая. То, что называется, все занимаются всем.

– А какого рода темы были?

– Уж не заседания Госдумы, – улыбнулся я. – Да что случается в районе – пожары, открытия памятников, благоустройство дворов.

– А, ну тогда вы тут не много потеряете, у нас всё примерно то же самое, – сказал Милинкевич, и начал, стуча ложкой о края тарелки, поспешно размешивать сметану в дымящемся супе.

– А что вообще в городе сейчас интересного происходит? – спросил я.

– Да почти ничего. Луна-парк строят на Садовой. В сентябре, возможно, школу новую на Рижской, у бывшей Тополиной заставы, откроют. Ну и по мелочи – церковь достраивают в рамках федеральной программы, сквер разбили на Дорогомиловской.

– А из происшествий?

– Тоже ничего. Так, мелкий разбой, кражи... Ну вот разве что неделю назад городского судью убили.

Я вздрогнул и внимательно присмотрелся к Милинкевичу. К моему удивлению, на его лице не выразилось ни малейшего беспокойства. Это странно: убийство крупного чиновника – и не интересно журналисту основного городского издания?

– А с судьёй как вышло? – осторожно полюбопытствовал я.

– Да, домой к нему ночью пробрались какие-то жулики, он их застукал, ну они его и зарезали, чтобы не оставлять свидетелей, – скусающим голосом произнёс Милинкевич, не поднимая взгляда от тарелки.

– А вы писали об этом?

– Поместили небольшую заметку в разделе происшествий. Вообще, это не наша тема, да и нет там ничего особо интересного. Обычная бытовуха.

Я удержался от дальнейших расспросов, которые могли бы уже показаться подозрительными, и поспешил перевести разговор на другую тему. Речь зашла о редакции. Я задал несколько обычных вопросов о том, даёт ли работать местное начальство, как относятся к газете в городе, идёт ли реклама, и так далее. Милинкевич, видимо, только и ждал повода выговориться. Его прорвало как водопроводную трубу в зимнюю стужу. Тут было всё: и рассуждения о политике с привкусом осторожного фрондёрства, и классическое провинциальное ломание перед москвичом, неловко выразившееся в полусмешных и полупошлых байках о заезжих звёздах и сановниках, и краткие, но ёмкие замечания о себе самом, из которых следовало, что вопреки собственной скромности, и он успел снискать на своём веку некоторое признание. «Ничего не поделаешь, если сложилась у тебя определённая авторская морда, то и читатели узнавать начинают, и *даже там* иной раз кое в чём прислушиваются», – жеманно пряча глаза, распространялся он, пухлым пальцем тыча в потолок. О своих коллегах – Васильеве и Бурматове, Милинкевич упомянул с той снисходительностью, с какой души праведников, парящие в эмпиреях, вероятно, рассуждают о нас, простых смертных. Деятельностью их он не интересовался, а общаться предпочитал только по рабочим вопросам. Его разве что раздражали постоянные споры между молодыми людьми, по поводу чего он тут же пожаловался мне на тесноту помещений и на то, что Стопоров тянет с ремонтом какой-то редакционной комнаты, давно обещанной под кабинет ему, Милинкевичу. С первого взгляда Милинкевич

показался мне одним из тех легковесных, пустых людей, которые с комфортом устраиваются совершенно в любой среде, будучи способными благодаря своей неглубокости исчерпаться любыми условиями. Жизнь они живут почти всегда исключительно материальной, презирая любые мысленные поиски, а зачастую и посмеиваясь над ними с высоты своего невежества. Любят иногда и сибаритствовать, впрочем, без излишеств – неглубокость сказывается и тут. Вместе с тем приятели из них получаются милые и добродушные, любители свежего анекдота и сальной сплетни. Но странное дело – в Милинкевиче вместе с тем мне почудилась какая-то загадка, на нём словно бы лежала тень, как-то рассеивающая его довольно определённый и банальный образ, добавляющая ему некий флёр таинственности. Часто во время разговора он словно бы задумывался над чем-то, и уходил в себя, отворачиваясь в сторону, а, рассказывая байку о чиновнике, бывшем проездом в Терпилове, вдруг осекался и переводил разговор на другую тему. Он словно скрывал что-то и боялся ненароком проболтаться...

После обеда, тщательно вытерев руки влажной салфеткой, которую он извлёк из особого кожаного футлярчика, чистенького и аккуратного, такого, какие, вероятно, были все его вещи, мой новый коллега отправился в редакцию. Я же, отговорившись необходимостью забежать в аптеку за лекарствами для отца, задержался в кафе. Оставшись один, я заказал официантке ещё одну чашку чая и достал смартфон. К моему облегчению, наклейка на входе не врала: связь, хоть и довольно медленная, в кафе присутствовала. На запрос о Терпилове поисковая система выдала вместе с обычным рекламным мусором три ссылки – на официальный сайт города, на портал какого-то сообщества, ратующего за сохранение городского трамвая, и на местный форум. Первые два клика оказались безрезультатны. Сайт администрации находился в запустении, последней новостью на нём был велеречивый репортаж о визите в город губернатора Громова, датированный маем 2004-го года. Страничка трамвайных энтузиастов вовсе отказалась открываться. Зато городской форум, заголовок которого украшала пересвеченная фотография «колокольни Ивана Великого», оказался на удивление оживлённым. Первые его страницы были заполнены постоянно обновляющимися темами с жалобами горожан на плохую работу служб ЖКХ, призывами активистов выйти на пикет в защиту какого-то парка, и обсуждениями местных сплетен. Введя в поиск фамилию Пахомова, я обнаружил только один топик, посвящённый ему. Под лаконичной новостью о смерти бизнесмена со ссылкой на сайт областного ГУВД было всего пять комментариев. «Подельники, небось, замочили», – заметил разместивший материал пользователь Жора_67.

– Да кому он нужен? Один живёт, его в городе сто лет не видели.– ответил ему некий Павлов.

– А кто такой этот Пахомов вообще? – поинтересовался посетитель с ником Alex Prove. – Впервые слышу о нём.

– Бандит местный, в девяностые отжигал, – отвечал ему автор темы.

– Повезло тебе, что ты не знал его, – прибавил Павлов. – Его знакомых до сих пор по лесам откапывают.

У сообщения было жалких пятнадцать просмотров – горожан смерть Пахомова интересовала не сильно. А вот Обухова действительно хорошо знали в Терпилове – поиск по его фамилии дал больше семи сотен результатов. Но слава эта была не добрая, за покойным тянулась целая цепь громких скандалов. То он своим решением выделял кусок спорной городской земли для складских помещений своего зятя, то закрывал кофейню, находившуюся вблизи ресторана, принадлежавшего его жене, то принимал явно предвзятые, по мнению участников форума решения в пользу строительной фирмы, под надуманным предлогом отказавшейся передавать многоквартирный дом дольщикам. В выражениях форумчане не стеснялись – «сволочь, тварь продажная», – были ещё самыми вежливыми эпитетами в отношении Обухова.

Известие об его гибели встретили настоящим ликованием – тему просмотрели более десяти тысяч раз, в ней было несколько сотен язвительных комментариев. Среди множества

скандалов с участием Обухова два привлекли моё особое внимание. Первый произошёл три года назад. На одной из городских улиц в аварию на своём «Порше Кайенне» попала дочь судьи Светлана. Водитель старенькой «Лады», в которую врезалась девушка, тридцатилетний Евгений Куваев, скончался на месте, сама же она отделалась мелкими царапинами. Несмотря на то, что многочисленные свидетели утверждали, что Обухова нарушала правила, и, к тому же, была не трезва, суд всё-таки признал виновником происшествия погибшего. Его семью, помимо прочего, обязали выплатить Обуховой значительную сумму за ремонт её автомобиля. В теме, в которой обсуждалась эта история, нашлось множество фактов – видеоролики из зала суда, рассказы очевидцев аварии, записи камер наблюдения и отсканированные документы следствия, видимо, выложенные в сеть родственниками погибшего. Я открыл один из роликов. Снят он был возле здания суда после окончания слушаний. Обухову – маленькую сухую блондинку с надутыми силиконом губами и крысиным хвостиком, одетую в строгий деловой костюм, снимал некий активист.

– Елена, как так вышло, что вот молодой человек погиб, а вам ничего не было? – говорил он, с камерой идя за ней по пятам.

– Чего тебе-то нужно? – сквозь зубы процедила Обухова, не глядя в объектив.

– Я просто возмущаюсь этой ситуацией. Вас не мучают угрызения совести?

Ботинки себе нормальные купи, чувырло, – сказала девушка, окинув его презрительным взглядом с головы до ног. – Возмущается он. Живёшь как днище, вечно чем-то недовольный. Свиной иди пасти, попозиционер хренов.

Ролик обрывался на том, как подошедший охранник Обуховой, двухметровый верзила с пудовыми кулаками, выбил у снимавшего камеру из рук. «Технику он растоптал, и, конечно, безо всяких последствий, в полиции заявление не приняли, – грустно резюмировал в теме молодой человек. – Хорошо хоть флешка выжила и удалось данные спасти».

Другая резонансная история случилась около года назад. Возле города, на берегу реки Пыжмы, начал возводиться коттеджный посёлок, по слухам принадлежавший кооперативу местных чиновников. Строители расселили жителей Пантелеевки, небольшой деревеньки, находившейся на месте застройки, но не смогли избавиться от одного её обитателя, восьмидесятилетнего бывшего лесника. Выезжать из собственного дома он, несмотря на все уговоры и посулы, отказывался наотрез. Вопрос решили кардинально. Как-то ночью судебные приставы явились к старику и без церемоний выкинули его на мороз. Предлог был придуман смехотворный – якобы, избушка пенсионера мешала миграции лосей, которые отродясь не водились в этих краях...

По дороге из кафе в редакцию я задумался. Итак, что же мы имеем? По Пахомову, убийство которого по своим мистическим обстоятельствам особенно интересовало меня, ничего нового найти не удалось. Я всё больше удивлялся – кому нужна была его смерть? Одиноким отшельником, никого не беспокоившим, давно забытым всеми в городе... Может быть, у него всё-таки оставались дела, о которых не знала ни полиция, ни местные жители? Но какие? Убийцы оставили у него на груди надпись «Хватит бандитизма!» Не могло ли случиться так, что, вопреки данным правоохранителей, он отнюдь не отошёл от дел, а втайне продолжал заниматься своим криминальным бизнесом? Я вспомнил статью о предпринимателе Фердыщенко и его проделке со Столяровским прудом. Если такие трюки, отсылающие к беспредельным девяностым, всё ещё возможны тут, то не могли ли сохраниться в городе и иные атавизмы тех лет, подобно тому, как мода, давно забытая в столице, ещё долго гастролирует по провинции?

Что же до Обухова, то с ним дела обстояли куда хуже. Если мотивы убийц Пахомова только предстояло выяснить, то желающих расправиться с судьёй было даже слишком много. С ним могли разобрататься партнёры по бизнесу, конкуренты, наконец, ему могла отомстить какая-нибудь случайная жертва его судейства.

Вкратце изучив его биографию, я перестал удивляться тому, что он не особенно опасался за свою жизнь, и почти не предпринимал обычных для людей его ранга мер предосторожности. Кого ему было бояться? Других городских чиновников, очевидно, имевших с ним дела и плотно встроенных в его коррупционные схемы? Московского начальства, интересующегося только политическими рейтингами и всегда неохотно выносящего сор из избы? Предпринимателей, полностью зависевших от него, дрожавших и унижавшихся перед ним? Была ещё, правда, так называемая общественность, но её судья, основываясь на своём многолетнем опыте, привык не брать в расчёт. Он присваивает городскую землю, разоряет неугодных бизнесменов, расселяет целую деревню, чтобы построить дачи себе и своим знакомым, наконец, его дочь на глазах десятков свидетелей убивает человека – и ничего. Дело оканчивается лишь громогласным возмущением нескольких активистов да гневными писульками в интернете. Конечно, он привык считать себя неким сверхчеловеком, осенённым дланью всевышнего, а простых смертных, которых годами невозбранно втоптывал в грязь – безобидным скотом, быдлом, не стоящим внимания. Возможно, в этом он и просчитался, и коллективная ненависть, которую он так долго игнорировал, наконец, настигла его...

Расследование я решил начать с двух наиболее резонансных событий, связанных с именем Обухова – с истории с погибшим в аварии молодым человеком и со стариком, выселенным из дома. Если верна моя основная рабочая гипотеза, и речь идёт о группе неких народных мстителей, то они, конечно, должны были отметиться возле этих громких дел. По опыту я знал: к радикальным действиям переходят, только разочаровавшись в мирных способах решения проблемы. А они, эти способы, всегда оставляют следы. Возможно, кто-то из активистов выходил на митинг или пикет в защиту пострадавших, и был задержан там полицией, или переписывался с официальными органами власти по их поводу, или пытался помочь им просто в частном порядке – деньгами или вещами. Выяснив у родственников пострадавших имена этих активистов, останется только установить связь между ними и сотрудниками «Терпиловки»... Адреса фигурантов обоих скандалов я нашёл быстро. Семья погибшего в аварии молодого человека жила в двух кварталах от центра города на Качаевской, а родные старика – на Абрикосовой.

Пройтись по этим адресам я решил этим же вечером, не откладывая дела в долгий ящик.

Глава седьмая

Остаток дня в редакции прошёл в хлопотах. Большую часть времени я пытался уяснить себе удивительно неудобную и запутанную производственную систему, принятую в газете. Журналисты теряли массу времени, по нескольку раз распечатывая на принтерах полосы со своими материалами, бесконечно таская их из корректорской на вёрстку и обратно, а после ещё и дожидаясь утверждения статей у главного редактора. Бумаги на весь этот процесс ушло целое море, и в день выпуска номера все корзины в кабинете были утрамбованы ей под самые крышки. Издательский процесс значительно упростился бы, согласись корректор и ответственный секретарь – две сухие тётушки предпенсионного возраста, редактировать газетные тексты на компьютере. Но те из каких-то луддистских соображений наотрез отказывались учить компьютерную грамоту, и сделать с ними, по словам Милинкевича, ничего нельзя было. Впрочем, я не думаю, что он всерьёз пытался тут что-то менять. В пыльной атмосфере «Терпиловки» плавало смешанное ощущение самодовольства, скуки и равнодушной привычки ко всему. Эта газета со своими высокопарными панегириками власть предержащим, восторгами несуществующими успехами и намеренным игнорированием реальных проблем так привыкла сторониться настоящей жизни, что, в конце концов, окончательно отгородилась от неё непроницаемой стеной. Пределов этого сонного царства не достигали вольные запахи и звуки, день здесь менялся ночью по мановению начальственной руки и любая мысль, не согласованная с генеральной линией, разбивалась оземь как замёрзшая птица в январскую стужу. Тут с суеверным ужасом избегали любых перемен – одно неосторожное движение и в выстраиваемое годами тёплое застойное существование нахлынет, не дай Бог, свежий воздух...

На работе после шести часов никто из сотрудников не засиживался. В конце дня я, не без труда отклонив навязчивые приглашения Милинкевича выпить с ним по кружке пива, отправился по запланированным делам. Когда я вышел на улицу, залитую светом фонарей, в моём кармане раздалась телефонная трель. На экране аппарата высветился номер Ястребцова.

– Игорь, здравствуй. Не помешал? Можешь общаться сейчас? – нетерпеливо заговорил Николай.

– Могу.

– Ну как ты, устроился в газете?

– Всё хорошо, познакомился со всеми, даже выполнял сегодня кое-какие редакционные задания.

– Стопоров содействие тебе оказал?

– Да, с ним всё хорошо.

– Ладно, слушай. У меня для тебя кое-какие полезные материалы по делу есть, где и когда мы можем сегодня встретиться?

– Давай около восьми часов, – сказал я, вспомнив о своих планах в городе.

– Договорились, давай в восемь. Где площадь Лермонтова знаешь? – спросил Николай. – Ну где памятник, там ещё скамейки кругом и библиотека напротив?

– Да, знаю.

– Давай там? Место свободное, хорошо просматриваемое и в то же время не людное. Если за тобой кто-нибудь пойдёт, я сразу замечу.

– Я согласился и отбил вызов. Сейчас около шести, следовательно, на то, чтобы обойти первых свидетелей у меня осталось два часа. Не теряя времени, я отправился на Качаевскую, к дому Куваева, молодого человека, погибшего в аварии с дочерью Обухова. Это оказалось длинное и обшарпанное здание, какие часто возводили в нищее послевоенное время – с кирпичным первым этажом и надстроенным деревянным вторым. Находилось оно в тёмном зако-

улке позади бывшего универмага «Заря», ныне превращённого в бар с боулингом. Миновав тёмный двор, заваленный прогнившими деревянными поддонами и пустой пивной тарой, я подошёл к ободранной дерматиновой двери подъезда. Она висела на одной петле, и, с усилием отворив её, я шагнул в пропахшее сыростью помещение. Дом, кажется, давно стоял без обитателей – нигде не было заметно ни света, ни движения. Осторожно ступая по сиротливо скрипящим доскам пола, усеянным газетными обрывками и обломками мебели, я прошёлся по первому этажу и заглянул в одну из открытых квартир. Ещё на пороге мне в нос ударил прогорклый запах гари и испражнений – явный признак недавнего пребывания бездомных. Задержав дыхание, я ретировался на улицу и, по периметру обойдя здание, ещё раз взглянул на его номер. Нет, адрес верен, именно он значился в сообщениях на форуме. Но куда делись хозяева?

Возле подъезда соседнего дома я заметил двух старушек, топтавшихся в весенней слякоти у разбитого порога и что-то наперебой обсуждавших.

– Извините ради Бога, не подскажете что произошло? Я пришёл навестить знакомых, а в доме что-то нет никого, – обратился я к одной из них.

– Тридцать шестой-то? – ответила бабка, глянув на меня маленькими косящими глазками из-под сдвинутого до бровей шерстяного платка. – Так его давно уже расселили, больше года. А кого вы ищете?

– Куваевых, – ответил я.

– Куваевы... – задумалась она. – Не помню таких. А из какой квартиры?

– Да, Света, это же те Куваевы, у которых сын в аварии погиб, помнишь? – вмешалась её товарка, старуха в зелёном плюшевом пальто и вязаной шапочке с помпоном.

– Ах, да, да, вспомнила. Точно, Женька Куваев... Хороший был парень. Только они, молодой человек, давно уже переехали.

– А куда, не подскажете? – спросил я.

Старуха, опустив голову, задумалась.

– Кажется, родители в Раменском квартиру купили, а другой их сын, у них ведь двое мальчишек было – Женька и Володька – он в Москве сейчас, в авиационном учится.

– Ясно, спасибо большое, – поблагодарил я, уходя.

Что ж, похоже, первый след оборвался. Розыск Куваевых займёт немало времени, а значит, придётся оставить его на потом...

Семья фигуранта другого скандала – пенсионера Сотникова, жила на улице Абрикосовой, в шахтёрском посёлке, расположенном в дальней части города. Это был небольшой микрорайон, застроенный напололам хрущёвками и облагороженными бараками, оставшимися ещё со времён разработки первых оловянных месторождений. Путь туда на маршрутном такси занял двадцать минут. Домофона в подъезде не было. Стараясь не касаться оплавленных перил, я поднялся по заплёванной и забросанной окурками лестнице на неосвещённую площадку второго этажа, и, найдя при помощи включённого экрана мобильного телефона нужную квартиру, надавил пластиковую пуговку звонка. На этот раз удача улыбнулась мне – за дверью раздались поспешные шаги и немного спустя чей-то простуженный голос осторожно поинтересовался: «Кто там?»

– Здравствуйте, я хотел бы узнать, не здесь ли живёт Сотников Николай Кузьмич? – сказал я громко.

– Здесь, а кто его спрашивает?

– Меня зовут Игорь Свиридов, я корреспондент «Терпиловской правды».

– Подождите секундочку.

Послышался скрип отодвигаемой щеколды, мелодично тренькнула снимаемая цепочка и дверь отворилась. На порог вышла хозяйка, женщина лет пятидесяти, полноватая, с болез-

ненно-жёлтым обрюзгшим лицом, живыми карими глазами и маленьким как кнопка, самоуверенно вздёрнутым носом. Она была в вязаном свитере и застиранной ситцевой юбке.

– Вы по какому делу? – спросила она, внимательно и недоверчиво присматриваясь ко мне.

– Я по поводу случая с Николаем Кузьмичом, – сказал я, стараясь говорить как можно спокойнее и увереннее. – Скажите пожалуйста, кем вы ему приходитеесь?

– Я его дочь, – ответила женщина.

– А как вас звать?

– Анна Николаевна.

– Анна Николаевна, мы готовим сейчас новый материал по вашей истории, и если вы не против, я хотел бы пообщаться с вашим отцом.

– Да были у нас уже журналисты... – разочарованно произнесла женщина, но всё-таки сделала шаг в сторону от двери. – Ну что же, проходите.

Я вошёл. Обстановка была бедная: рассохшееся жёлтое трюмо с зеркалом, по бокам обклеенное выцветшими детскими вкладышами от жвачки, погнутая жестяная вешалка, пол, покрытый порядочно истёртым и в нескольких местах вздыбившимся паркетом...

– Вы как, прямо сейчас к отцу хотите? – спросила женщина. – Просто он только что проснулся и лекарства ещё не принимал. Не знаю, сможет ли он отвечать вам.

– Я обещаю, что не отниму много времени, – уверил её я.

– Ну хорошо, ступайте за мной, – после некоторого колебания согласилась она.

Мы вошли в маленькую тесную комнатку, тускло освещённую единственным ночником в зелёном абажуре. В густом и пыльном воздухе при давно не открывавшихся окнах стоял пронзительный аптечный запах. Из мебели тут имелись только старый платяной шкаф, железная кровать и небольшой столик перед ней, тесно заставленный склянками и пузырьками с лекарствами, которые тихо звякали, когда по комнате ходили. Больной был до шеи укрыт толстым ватным одеялом, и на поверхности оставалась одна его голова, покоившаяся на тонкой как блин шерстяной подушке. Высохшее, измождённое, с заострившимися чертами лицо старика было так бледно, что казалось, будто в комнате из-за него становится светлее.

– Николай Кузьмич! – позвал я, осторожно шагнув к кровати.

Больной заморгал своими выцветшими водянистыми глазами и невидящим взглядом повёл кругом себя.

– Николай Кузьмич! – повторил я.

– Вы громче говорите, он оглох почти, – сказала за моей спиной дочь.

– Аня, ты тут? Что? Зачем? – вдруг заговорил Сотников дребезжающим голосом.

Женщина подошла к отцу и, наклонившись над кроватью, приблизила губы к его уху.

– Папа, к тебе журналист пришёл, хочет несколько вопросов задать насчёт деревенского дома, – громко и отчётливо, словно маленькому ребёнку, сказала она.

Старик отставил назад костлявые локти и сделал усилие, чтобы приподняться. Ворох белья, наваленный поверх его одеяла, зашевелился.

– Журналист? Я всё рассказал, – отрывисто произнёс он, испуганно глядя на меня.

– А с тех пор что-нибудь поменялось, может быть ещё что-то произошло? – спросил я.

– Квартиру ему дать обещали взамен дома, – вместо отца ответила женщина. – Вот всё ждём её, квартиру-то эту.

– Квартиру, а? – выкрикнул старик. Шумно дыша, он то и дело переводил беспокойный непонимающий взгляд с дочери на меня.

Я почувствовал, что в этом состоянии с ним бесполезно беседовать.

– Может быть, мы с вами пообщаемся? – обернувшись к Анне Николаевне, спросил я.

– Да, давайте пройдем на кухню, – с готовностью отозвалась она, видимо ожидая этого предложения. – Я чаю заварю.

– Что, давно болеет ваш отец? – спросил я, садясь на табурет возле кухонного стола, покрытого свежей вышитой скатертью.

– Да вот как выселяли его, так и свалился. А до того – ничего, восемьдесят пять лет, а коз и уток у себя в сарае держал, огород вскапывал, на охоту ходил даже.

– А лечитесь как?

– Ой, тяжело с ним, – сказала женщина, включая под эмалированным пузатым чайником газ и выставляя на стол две фарфоровые чашки с выщербленными краями и огромную синюю сахарницу с колотым сахаром. – Извините, кроме сахара ничего сладкого к чаю нет. Я не ем, на диете, а отцу нельзя. Вы знаете, даже просто к врачу сходить – целая мука. В поликлинику надо к пяти часам приходиться, в очередь записываться, чтобы талон получить. Приходишь и стоишь два-три часа на улице, пока регистратуру не откроют – и в дождь, и в снег, и в мороз. А как откроют начинается, знаете, ругань, толкотня, все без очереди лезут. Иной раз и до драк доходит, особенно если талон на редкого специалиста. Мне-то ещё хорошо, а бывает, бабка старая приковыляет кое-как, бумажку эту не успеет получить, и стоит у выхода, плачет. Доехать до доктора – тоже целая история. Отец же не ходит почти, надо машину заказывать где-то. А это тоже денег стоит. Хорошо если сосед наш, Михаил Борисович, с десятого этажа, подвезёт на своей «Королле». Но и он не всегда может, у человека свои дела, работа. Дочка вот, слава Богу, деньгами помогает, если б не она, так и не знали бы, как быть.

– А что же не положите его в больницу?

– А... – с досадой отмахнулась она. – Чего там в больнице? Медсёстры курят в палатах, орут на больных, помощи никакой от них не дождёшься. Лекарства даже – и те свои надо носить. Клала его в прошлом году на два месяца, так мне в лицо сразу и сказали – заботиться не будем, кормить только станем, и всё. Да и вообще, говорят, чего, мол, вы вокруг него бегаєте, девяносто же лет почти старику, ему на кладбище давно прогулы ставят.

– Сочувствую вам...

– Да что тут поделаешь, такая вот жизнь.

– Анна Николаевна, – сказал я, открывая блокнот. – Я бы хотел уточнить хронологию всей этой истории с выселением.

– Ну что тут вспоминать, – женщина подперла полной рукой подбородок и рассеянно глянула в сторону. – Сначала уведомление ему пришло: просим съехать в такой-то срок. Ваш дом, дескать, возведён незаконно и подлежит сносу.

– А что же Николай Кузьмич?

– Ну он, конечно, сопротивлялся, по судам ходил. Дом-то этот ещё его дед построил до революции, он всю жизнь с детства там прожил, своими руками чинил его, достраивал, деревья в саду сажал. Конечно, жалко было потерять.

– А суд что?

– Ну что суд... В суде вон, – она неопределённо кивнула головой кверху куда-то в угол. – Обухов этот, который главный зачинщик строительства. Всё отказы писал да резину тянул.

– Николаю Кузьмичу угрожали?

– Угрожали, да. Приходили какие-то мужики, вроде бы из сельсовета, обещали за отказ выселяться у него водопровод с электричеством отключить. Забор как-то подожгли ему, а в другой раз в окно кирпич бросили, стекло разбили. Он, правда, считал, что на этом и окончится. Он всё же пожилой человек, к тому же – ветеран войны. Думал, уж ветерана-то они не тронут. Всегда как являлись к нему чиновники, он медали надевал, весь свой иконостас, и выходил к ним.

– И что же дальше?

– Ну вот как-то ночью, в три часа, ворвались к нему приставы, да и выкинули в одних портках да майке на мороз. Да ещё и наподдали как следует.

– Били его? – удивился я.

– А вы думаете чего он лежит? Ещё как били – четыре ребра сломано, гематома на черепе, почки отбиты. Ещё не знаю, как жив остался. Он же потом ещё на морозе два часа провалялся без сознания. Хорошо сосед мимо ехал, заметил, да скорую вызвал. Я через неделю, как по врачам отбегалась, зашла в полицию, а там мне бумажку дали: дескать, выселение законно – препятствовал дом отцовский нормальной миграции лосей. Самое интересное, что сейчас на том месте стоит дача прокурора города Ярового, и лосям она почему-то не мешает, – желчно прибавила она.

– Дело по факту избиения заводили?

– А как его заведёшь? Там все свои, ворон ворону глаз не выклюет. Даже в травмпункте побои отказались снять. Доктор сразу сказал мне – деду твоему здоровье уже не вернёшь, а у меня, мать, двое детей, так что извини.

– А дальше что делали? В городе вам помогал кто-нибудь? – спросил я, внимательно глядя на неё.

– В городе – нет, никто не помогал. Да и кто поможет против этой банды? Вот только в мэрии обращение по поводу предоставления квартиры взамен снесённого дома обещали рассмотреть, да воз и ныне там. Я и в Москву писала в прокуратуру, и к Лукину, уполномоченному по правам человека обращалась... Но ответа толкового не получила, везде отписки. Чаще всего ему же, судье, жалобы мои и присылали, как будто он сам себя накажет. Смешно даже. А хотите, я вам все бумаги дам? У меня копии есть.

Она встала и, сняв с холодильника толстую картонную папку в замазанной чем-то чёрным обложке, перелистнула несколько страниц.

– Вот ещё обращение в Следственный комитет. Я думаю снова, может быть, послать? Обухов-то, главный наш злодей, помер.

– Да, пошлите обязательно. А вы одна за отцом ухаживаете? – спросил я.

– Да, одна, – вздохнула Сотникова. – Мужа нет, помер в пятом году. Дочь вот ещё есть, Алёна. Но только она с мужем уже десять лет в Питере живёт.

– Навещает вас?

– Раз в год приезжает, ну и деньгами помогает. А так... Своя у неё уже жизнь.

– А что же знакомые, друзья?

– Ну коллеги разве что, да соседи. Вот соседка у меня хорошая – Клавдия Анатольевна. У ней у самой сын инвалид, так что часто и по хозяйству помогаем друг другу, и в больнице насчёт врачей договариваемся.

Да, кажется, и тут я промахнулся. Соседи, знакомые, дочь, живущая в Питере... Нет, видимо, здесь бригаду народных мстителей искать бесполезно.

– Анна Николаевна, я копии документов возьму, изучу их, и в ближайшее время свяжусь с вами, – сказал я, вставая со стула.

– А чаю не выпьете? – спросила женщина, поднимаясь вместе со мной и взглядом указывая на закипавший чайник.

– Да уже вечер, а у меня ещё одна встреча в городе.

– Ну хорошо, тогда буду ждать вашего звонка, – сказала она, торопливо отбирая из своей папки бумаги для меня и складывая их в отдельный файл. – Давайте я вот тут, поверх ответа из прокуратуры телефон свой вам напишу. Звоните, если появятся вопросы. А когда ждать выхода статьи?

– Я думаю, на неделе станет известно.

– Что ж, буду надеяться. Спасибо вам большое, что не забываете нас. Вы о квартире, пожалуйста, упомяните, что отцу её обещали, да так до сих пор и не дали.

Я кивнул в ответ, и направился к выходу. У самой двери Сотникова окликнула меня.

– Вы ещё вашим молодым людям из редакции привет от меня передавайте, – сказала она мне в след.

Я застыл на месте.

– Каким молодым людям? – осторожно спросил я, медленно поворачиваясь на пороге.

– Ну корреспондентам вашим, которые сразу после того случая заходили, – сказала она.

– А какие они были из себя? – поинтересовался я.

– Ну одного я не особенно заметила – маленький, чёрненький, ещё в куртке кожаной был. А второго хорошо помню – высокий такой парень, блондин. Он ко мне несколько раз после заглядывал, всё сокрушался, что статью о нас в редакции не пропустили. Энергичный такой. Знаете, один из мужиков, что отца избили, денег нам предлагал, чтобы мы не жаловались на него. Мелочь какую-то, двадцать тысяч рублей. Я взяла – знала уже тогда, что всё равно не приняли наше заявление, ну а с худой овцы, сами понимаете... Услышал ваш коллега об этом, и раскричался: «Зачем вы взяли деньги у этого палача, надо было ему в рожу их кинуть!»

– А, я понял, о ком идёт речь, – сказал я, выходя. – Передам ему, конечно, Ваш привет.

Идя от двери подъезда, я поздравлял себя с первой удачей. Судя по описанию Сотниковой, делом её отца интересовался Саша Васильев. И это было не простое журналистское любопытство – он приезжал сюда несколько раз, причём даже после того, как его материал отклонила редакция. Не собирался ли он помочь семье больного другим способом? Если так, то этот план сработал – после смерти Обухова у Сотниковых появилось значительно больше шансов добиться справедливости. Оставалась загадкой личность второго визитёра, но это я решил оставить на потом – хватит уже на сегодня таинственного...

Вместе с тем история несчастного старика не шла у меня из головы. Человека грабят, избивают, отнимают у него имущество, нажитое десятилетиями труда, а чем его родные отвечают на это? Пишут наивные письма далёким московским начальникам, а дома бездействуют и отмалчиваются... И с ними, что поразительно, молчат все – знакомые, соседи, друзья. Даже местные активисты ограничиваются перемыванием судейских косточек на интернет-форумах под прикрытием сетевой анонимности. Эх, Терпилов, по праву ты носишь своё название...

Чёрт возьми, да будь Сотников моим родственником, так просто Обухов у меня бы не отделался! Организовал бы всё – и бучу в интернете, и телевизионные репортажи, и газетные статьи с пресс-конференциями. Информационный повод буквально просится на первые полосы – ветерана войны, пенсионера, как собаку выкидывают на улицу, чтобы освободить место для дачного посёлка коррупционеров. Девяностолетнего старика избивают, а после оставляют на морозе, и только чудо спасает его от гибели. К этому я обязательно присовокупил бы и то, что всё это творится на фоне рассказней о заботе о ветеранах, громогласных речей о Великой Победе с высоких трибун, и накручивания предвыборных очков на социальной политике.

Справедливости в этой ситуации добиться легко. Вряд ли федеральные власти станут выгораживать каких-то мелких провинциальных жуликов, ну а несколько депутатов Госдумы, которые решат сделать себе паблисити на этой истории, найдётся всегда. Но одно дело я, человек с подвешенным языком, знакомый с информационными технологиями, имеющий связи. А другое – немощный старик и его слабые, запуганные родственники, находящиеся на пороге нищеты, и боящиеся любого властного чиха...

«Кто может, тот добьётся своего, а остальное – отговорки...» – глухо отозвалась в сознании фраза, сказанная утром Бурматовым. Может быть, он прав, и не стоит тратить душевные силы на человека, который не предпринял никаких усилий для того, чтобы помочь себе самому? Ведь как ни крути, а одним отчаянием бездействие Сотниковых оправдать нельзя. В конце концов, не раковые же они все больные? В их деле окончательная черта ещё не проведена, зачем же опускать руки? Ещё многое можно было сделать: поднять общественность, обойти редакции московских газет и телеканалов, устроить, наконец, какой-нибудь пикет. Кто виноват, что ничего из этого не предпринято? Это был удобный, соблазнительный ответ, но я

никак не мог принять его в себя, согласиться с ним. То и дело перед моими глазами вставало бледное измученное лицо старика, как сейчас я чувствовал терпкий запах лекарств в пыльной духоте комнаты, и слышал голос его дочери, которая спокойно, как о чём-то привычном и обыденном рассказывала об избиении отца...

Глава восьмая

Размышляя так, я сам не заметил, как дошёл до большой площади Лермонтова, где была назначена наша встреча с Ястребцовым. В этот час тут было темно и безлюдно. Тусклый свет фонаря, стоявшего рядом с памятником поэту, выхватывал из сплошной мглы лишь часть постамента и две ближние скамейки, полностью заваленные снегом. Поднявшийся к ночи ветер лениво таскал по площади крупную как пшено порошу, и она, то стелясь по земле, то взвиваясь выше человеческого роста, складывалась в причудливые фигуры, среди которых я невольно различал то детский хоровод, то стаю уток, бьющую крыльями над поверхностью озера, то слепую старуху с растрёпанными волосами, бредущую наощупь с вытянутыми руками. Положив ладонь на эфес сабли, и задумчиво склонив голову, каменный Лермонтов безразлично наблюдал за тенями, мечущимися у его ног...

Николай уже ждал меня: постукивая каблуком о каблук, он с портфелем в руке топтался возле скамейки.

– Привет! Ну слава Богу, я уже продрог весь, – сказал он, подавая мне руку в шерстяной варежке. – Давай в кафе каком-нибудь с тобой присядем?

Мы зашли в маленькую закусочную напротив библиотеки и, на входе оставив пальто на облезлой латунной вешалке в форме лосиных рогов, устроились за круглым деревянным столиком в глубине зала. В помещении кроме нас было лишь трое посетителей – юноша с девушкой, которые пили чай с пирожными и нежно щебетали о чём-то своём, держась за руки, и мужчина за пятьдесят лет в деловом костюме; расстегнув ворот рубахи и ослабив галстук, он в одиночестве угрюмо напивался водкой, закусывая её маринованной сёмгой.

– Что заказывать будем? – устало спросила полная официантка в засаленном переднике, кладя перед нами пару меню в потёртых кожаных папках. – У нас сегодня фирменное блюдо – стейк в лимонном соусе.

– Нет, девушка, спасибо, – приветливо сказал Николай, энергично потирая руки. – Мне вы пока стопку водки принесите и тарелку харчо, хорошо? – Холодрыга на улице, – оправдываясь за спиртное, виновато улыбнулся он мне.

– А мне чёрного кофе, пожалуйста, – попросил я.

– Ну что, – сказал Николай, когда официантка ушла. – Как у тебя дела?

Я хотел начать рассказывать о редакции, но воспоминание о старике не давало мне покоя. Не известно ли Николаю что-нибудь об этой истории?

– Коля, ты знаешь, я только что по заданию редакции был на Абрикосовой, у Сотникова. Помнишь такого?

– Сотников? Нет, не помню.

– Ну это ветеран, у которого дом отобрали в Пантелеевке, да ещё и избили его при выселении.

– А, знаю, – глухо отозвался Николай. Он нахмурился, опустил глаза и вжал голову в плечи, словно боксёр на ринге, приготовившийся к глухой обороне. – Это Обухова проделки. Земля ему понадобилась, вот он и расселил деревню.

– Что же тут у тебя творится? – не сдержался я. – Ведь мало того, что Сотников – глубокий старик, так ещё и ветеран войны. А вы не то что не помогли ему, а даже выслушать отказались. Это у вас обычная практика?

Николай выпрямился на стуле и нервно передёрнул плечами.

– Да мы пытались по делу работать, – сквозь зубы процедил он, упрямо глядя в сторону. – У нас три человека им занимались, и в Москву ездили, и на месте со своими пытались договориться. Ну не давали нам уголовку возбуждать и всё. Ты не понимаешь, что за человек был

этот Обухов – у него везде завязки имелись – и тут, в городе, и в областном правительстве, и даже в Генпрокуратуре.

– Ты знаешь, это всё как-то дико, – твёрдо сказал я.

Николай посмотрел на меня затравленным взглядом.

– А думаешь, мне легко так работать? – вдруг взвился он. – У меня с одной стороны опера бунтуют, с другой – начальство по башке стучит. Что мне – бросать всё, в позу становится? А ведь ещё и другие дела есть, у меня вон в те дни трое подонков девчонку пятнадцатилетнюю изнасиловали. Целыми сутками под окнами родители их бродили, в ноги бросались, деньги предлагали. Уйду я, а тот, кто вместо меня на это место сядет, не ровён час – и отпустит их. Что делать – жизнь такая – приходится выбирать.

– Тяжёлый у тебя выбор, – вполголоса заметил я.

– Коррупция, знаешь ли, всюду есть, – выпалил Николай. – Думаешь, в Америке кумовства нет, в Европах связями никто не пользуется? Да везде это, где ни плюнь! Нет в мире ничего идеального.

Я удивился такому повороту разговора.

– Да причём тут Америка? – спросил я.

– Да притом, что только и говорят все эти ваши правозащитники и прочие оппозиционеры, кормящиеся на заморские гранты, о том, как в России жутко живётся. Воровство, коррупция, беспредел власти. А это разве только у нас? Вон, в США два миллиона человек в тюрьме сидит. Самое большое число заключённых в мире! На себя бы они сначала посмотрели.

Выговорившись, он продолжал мрачно смотреть исподлобья, нервно щёлкая зажигалкой. Не отвечая, я отвернулся в сторону. Спорить с ним было бесполезно, да и скучно – слишком уж затасканная тема представлялась для этого. Очевидно, враждебный Запад и утешительные тирады о том, что у нас не хуже, чем везде, давно стали для Николая тем жупелом, которым он затыкал множась дыры в своём мировоззрении. А по энергичной отчаянности, с которой он защищал эти взгляды, было ясно, что жупело уже изрядно поизносилось, и он сам не вполне доверял ему. Впрочем, как бы ни были шатки его убеждения, повлиять на них я всё равно не смог бы. Для подобных ему мир разделён на два лагеря. В одном находятся они сами – серьёзные люди на опасной работе, вынужденные каждодневно принимать сложные решения, а в другом – разнообразные слюнтяи и нытики, вообразившие себе некий идеальный розовый мирок. Проповедуя абстрактный гуманизм из тёплых кресел своих кабинетов, эти вторые, к которым Николай, видимо, в первую очередь относил названных им правозащитников и оппозиционеров, не могли понять условностей и компромиссов его деятельности, но, тем не менее, смели указывать ему на просчёты в ней. Этим людям он не мог не презирать и никаких советов от них ни за что бы не принял. По «вашим оппозиционерам» я понял, что к своим оппонентам он сходу приписал и меня, но защищаться не стал, чтобы не усугублять конфликт – в конце концов, я приехал в Терпилов вовсе не для того, чтобы агитировать своего бывшего одноклассника.

Мы молчали с минуту. Видя моё нежелание продолжать спор, Николай успокоился, махом опрокинул стопку, поднесённую официанткой, и, звонко щёлкнув зажигалкой, закурил.

– Ну ладно, зачем ты меня позвал? – умиротворяюще поинтересовался я, заметив через минуту, что под действием алкоголя строгие линии на лбу моего приятеля начали сглаживаться.

– Я по поводу работы хотел тебя расспросить. Как у тебя первый день прошёл? – хриплым после водки голосом выговорил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.